

Содержание

Художник Д. Черногаев

Семейные узлы: Модели для сборки. Сборник статей. Кн. 1 / Сост. и редактор С. Ушакин. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 640 с.

Метафоры социального и кровного родства стали в последнее время едва ли не господствующей формой концептуализации политического, экономического и культурного развития: от «ельцинской Семьи» до «питерского клана», от «Солдатских матерей» до «батяни-комбата», от «солнцевской братвы» до «дедовщины», наконец, от «Моей семьи» до кинодилогии о «Брате».

Используя обширный исторический, социологический и культурологический материал, статьи, собранные в этой книге, пытаются объяснить привлекательность родственных связей и семейных уз. В первом томе сборника исследуются идеологические контексты существования семей, способы формирования семейных союзов, а также разнообразные бытовые тактики и половые стратегии семейной жизни.

Книга рассчитана не только на специалистов в области истории, социологии и антропологии семьи, но и на всех тех, кого интересуют тенденции трансформации семьи в настоящем и прошлом.

ISBN 5-86793-281-8 (Кн. 1)
ISBN 5-86793-283-4

© Авторы, 2004
© Новое литературное обозрение, 2004

Сергей Ушакин. Место-имени-я: семья как способ организации жизни 7

I. ФАМИЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

Ян Еремеев. Психопоэтика ссылки: сказка о декабристской Семье 55
Ирина Разумова. Родословие: семейные истории России 90
Александр Прохоров. «Человек родился»: сталинский миф о большой семье в киножанрах «оттепели» 114
Ольга Шабурова. Караваны историй: семейный нарратив в массовой культуре 134
Ирина Савкина. Род/дом: семейные хроники Людмилы Улицкой и Василия Аксенова 156

II. РОДСТВО ПО ВЫБОРУ

Ольга Казьмина, Наталья Пушкарева. Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты 185
Дэвид Л. Рансель. Посиделки, приданое, свадьба: организация замужества в сельской семье XX века 219
Мария Литовская, Елена Созина. От «семейного ковчега» к «красному треугольнику»: адюльтер в русской литературе 248
Надежда Нартова. Лесбийские семьи: реальность за стеной молчания 292
Брайан Джеймс Бэр. Отцы и дети и любовники: «голубые» родители в постсоветской России 316

III. БЫТОВЫЕ ТАКТИКИ

<i>Павел Шербинин.</i> «Соломенная вдова»: права и жизнь российской солдатки	335
<i>Сюзан З. Рид.</i> «Быт — не частное дело»: внедрение современного вкуса в семейную жизнь	360
<i>Нэнси Рис.</i> «Профиль» буржуазности: новая элита о себе	392
<i>Елена Ярская-Смирнова, Ирина Дворянчикова.</i> «Жила-была маленькая девочка, которая любила танцевать...»: семейные истории инвалидов-колясочников	420
<i>Илья Утехин.</i> Язык русских тараканов (к постановке вопроса)	452

IV. ПОЛОВЫЕ СТРАТЕГИИ

<i>Дмитрий Михель.</i> Супружеская спальня: к «святой святых» современной семьи и от нее	493
<i>Анна Темкина.</i> Половая жизнь в позднесоветском браке	515
<i>Анна Роткирх.</i> «Беспутная жизнь»: секс, семья и социальная мобильность в мужских автобиографиях	548
<i>Дмитрий Воронцов.</i> «Семейная жизнь — это не для нас»: мифы и ценности мужских гомосексуальных пар	576
<i>Валентина Котогорова.</i> Транссексуалы и организация семейной жизни	608

Сергей Ушакин

МЕСТО-ИМЕНИ-Я: СЕМЬЯ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНИ

...Семья — это как хорошая, еще крепкая машина, которую мир донатирует, — выбросить жалко, но нет смысла заводить заново.

Виктор Шкловский

Можем ли мы сказать, что семьи, которые не равняются на норму, а лишь отражают ее в определенно искаженном виде, являются плохими копиями [нормы], или же мы признаем, что сама многомерность реализации нормы сводит на нет ее идеальность?

Джудит Батлер

12 марта 2003 года в своем вечернем выпуске новостей канал *TBC* сообщил: «В Москве начались торжественные мероприятия по случаю юбилея Сергея Михалкова. 90 лет автору трех вариантов гимна и прославленному детскому писателю исполняется завтра». На несколько дней юбилей стал одной из основных тем телевизионных репортажей и многочисленных газетных публикаций. Однако и освещение торжественного вечера в Кремлевском дворце съездов (которому предшествовал визит Президента страны в только что отремонтированную квартиру поэта), и поток статей, посвященных феномену Михалкова, продемонстрировали своеобразный кризис «юбилейного жанра». Сложности с оценкой творчества «прославленного детского писателя» зачастую вели к смещению аналитического фокуса: в центре внимания оказывалось не столько собственно художественное наследие, сколько генеалогические связи и перечисление заслуг многочисленных дальних и близких родственников поэта. Интервью с поэтом, опубликован-

ное в «*Московском комсомольце*», например, начиналось с характерного пассажа:

В древнем дворянском роду Михалковых сыновей часто называли именами Сергей и Владимир. На иконе «*Спас Нерукотворный*», попавшей в музей, есть надпись: «*Сим образом благословил сына своего Сергей Владимирович Михалков 29 августа 1881 года. Этот образ принадлежал стольнику и постельничему Константину Михалкову — четверюродному брату царя Михаила Федоровича Романова*». Есть в музее и другая семейная икона, написанная в середине XVII века предком Сергея Владимировича Михалкова. Автору гимнов СССР и России, надписи на могиле Неизвестного солдата: «*Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен*», автору строк, запомнившихся с детства всем, кто говорит по-русски, — исполнилось 90 (МК, 12 марта 2003).

«*Парламентская газета*», несмотря на принципиально иной состав своих читателей, использовала сходный прием при освещении «мероприятия»: творчество автора надписи о Неизвестном солдате вновь оказалось в тени перечня имен известных родственников:

За Михалковым прочно закрепился титул — «высокий советский вельможа». Что ж, он действительно был обласкан советской властью. Что касается вельможности, то о древности рода Михалковых свидетельствуют многочисленные архивные документы. «Предков мы себе не выбираем, — замечает юбиляр. — Но вот историки нашли грамоту князя Дмитрия Пожарского, пожаловавшего в 1613 году во время войны с Польшей вотчину чебоксарскому воеводе Федору Ивановичу Михалкову «за московское осадное сидение и за то, что не покривил». ... Через год после выхода первой книжки Сергей Владимирович женится на Наталье Кончаловской — дочке знаменитого художника из общества «*Бубновый валет*» Петра Кончаловского и внучке великого живописца Василия Сурикова. Этому союзу суждено было продлиться аж 53 года... От этого брака у Михалкова два сына, оба знаменитые режиссеры — Андрон Кончаловский и Никита Михалков... Их нередко попрекают тем, что взлетать из-под крыла именитого писателя Сергея Михалкова было куда легче, чем из какой-нибудь отдаленной деревеньки. Однако сколько отпрысков великих родителей стали лишь тенью своих отцов! А вот на потомках Сергея Владимировича природа не отдохнула (*Парламентская газета*, 13 марта 2003).

Интересно, что эта генеалогическая лихорадка информационных изданий сопровождалась настойчивыми попытками самого Михалкова объяснить свою биографию несколько иначе. Для Михалкова, в отличие от прессы, «*происхождение*» являлось скорее метафорой, чем результирующим вектором конкретных родственных

связей и отношений. Логике родовой линии противопоставлялась логика политического строя, родство по крови вытеснялось родством по убеждениям. «Я человек ушедшей эпохи, и спрашивать с меня надо по законам того времени, — отмечал поэт. — Это не оправдание, а констатация. Я воспитан советским строем, кровь и плоть его, но не могу сказать, будто старался по-особенному выслужиться перед режимом» (*Итоги*, 11 марта 2003).

Праздничные ритуалы, казалось, наконец-то обнажили истинную, символическую — во всех смыслах этого слова — роль «патриарха». Важна не сама фигура, не личностные особенности конкретного *родо-начальника*, и даже не результаты его деятельности, а его (формальная) способность выступить (временно) фиксируемой точкой на оси координат, точкой, через которую может быть проведено сколь угодно много генеалогических «прямых». Как следовало из телерепортажей и газет, основная функция «патриарха» заключалась не столько в традиционной способности задать *направление* развития «своего» клана или определить *логику* его формирования, сколько в умении стать удачной канвой — *основой* — для постоянно плетущейся сети родства. Именно на фоне разреженной структуры и однотонной простоты исходной «ткани» юбиляра становились очевидными запутанность и цветистость родственных «узлов».

Сформулирую чуть иначе — основной функцией ритуального чествования «патриарха» в данном случае была не символическая легитимация его социального вклада и/или соответствующих политико-эстетических претензий. Юбилей стал ярким примером «*представления*, при помощи которого представитель образует группу, которая произвела его самого»¹. Выступая в роли структурирующего механизма, «представитель», таким образом, ретроспективно придал разрозненным поступкам отдельных людей («группе») видимость (гене)логического порядка.

Мероприятия в связи с юбилеем Сергея Михалкова, разумеется, интересны не только публичной демонстрацией технологии превращения конкретной семейной истории в династическую сагу, т. е. публичным слиянием истории семьи и истории страны. Важным, на мой взгляд, является и та настойчивая подмена, в ходе которой риторика родства — наряду с осуществлением своей традиционной функции картографии социальной местоположенности (боярин—дворянин—советский вельможа) — используется для

¹ Бурдые П. *Социология политики*. — М., 1993. — С. 88.

индивидуальной оценки. В условиях, когда в силу политических, идеологических или, допустим, эстетических причин локализация позиции индивида, т.е. фиксация его социальной местоположенности, затруднена или невозможна, траектория индивидуальной жизни часто попадает в зависимость от конфигурации связей между предками, а характер наследия — от (социальной) наследственности².

Сила *внутри*-семейных связей, иными словами, оказывается исходной точкой при *внешней* оценке ее членов: семейные узы становятся предпосылкой для уз-навания, для автоматического связывания людей, объектов и явлений, с одной стороны, и социальных смыслов и значений — с другой. Или чуть иначе — неспособность внешнего контекста сформулировать критерии оценки и сформировать практики социальной классификации зачастую ведет к наделению сети родственных отношений нормативно-организующей логикой.

Как мне кажется, именно подобная ситуация во многом определяет характер постсоветского дискурсивного пространства, и стремление «клана» Михалковых увязать случайное и (зачастую) иррациональное поведение отдельных людей с видимой объективностью, закономерностью и значимостью социальных институтов и категорий является лишь частным примером более общего развития.

В течение последних десяти лет метафоры социального и кровного родства стали едва ли не господствующей формой концептуализации политического, экономического и культурного развития: от «ельцинской Семьи» до «питерского клана», от «Солдатских матерей» до «Кремлевских жен», от «солнцевской братвы» до «дедовщины», наконец, от «братяни-комбата» и «*Моей семьи*» до кинодилогии о «*Брате*» и фильма «*Сестры*». Как можно объяснить подобную привлекательность терминологии родства для символизации «постсоветского пространства»? Каковы те символические и социальные преимущества, которые риторика родства способна обеспечить ее авторам и исполнителям?

В Толковом словаре Владимира Даля «*организовать*» или «*организовать*» означает «устроить, установить, привести в порядок, составить, образовать, основать стройно». Организация, таким образом, есть практическое воплощение определенного строя, есть определенное соотнесение имеющегося материала с устоем-

² См.: Goode W. Family changes over the long term: a sociological commentary // *Journal of Family History*. — 2003. — Vol. 28 (1). — P. 19.

моделью, способной придать этому материалу и внешнюю форму, и внутреннюю структуру.

Приведению чего бы то ни было в порядок предшествует не только осознание *возможности* «основать стройно» и «связно». В основе действий по «устройству» и организации, как напоминает Даль, лежит также и стремление воспроизвести естественное строение *органа*, или, точнее, *органического* порядка.

Задачей данного сборника во многом является сходное стремление проследить взаимосвязь процесса организации с тем порядком, или устройством, который традиционно воспринимается как «органичный» и «естественный», — порядком, «вырастающим» из семейных отношений повседневной жизни. Несмотря на различия в методологических подходах, теоретических предпочтениях, интерпретационных стратегиях и принципах отбора фактического материала, тексты, собранные в этой книге, являются во многом вариациями одной и той же темы, — темы использования структуры и/или логики семейных отношений для организации и осмысления индивидуальной жизни. «Валентность» и формы «семейного уклада» при этом, разумеется, не остаются постоянными: отрицание нормативных моделей семейной жизни может сменяться вполне позитивными попытками вернуться к «исходным» организационным принципам, либо стремлением внести в эти принципы существенные «поправки и усовершенствования». Важны, конечно же, не столько «поправки» и вновь провозглашаемые принципы организации, сколько постоянство самого стремления исправить *исходную модель*, стремление придать актуальность определенному «органическому» порядку.

Каковы причины устойчивости этой «организационно-органической» модели? Почему, несмотря на фундаментальные изменения социального строя, культурных традиций или, допустим, принципов воспитания, логика и символика родства остаются востребованными и на уровне риторики, и на уровне практических действий? Что лежит в основе этой непреходящей тяги к поиску «родственных душ»? В течение последних десятилетий отечественные исследования семьи отвечали на эти вопросы по-разному³. Не

³ Обзоры исследований семейных и родовых отношений в зарубежной литературе см., например: Peletz M. Kinship studies in late twentieth century anthropology // *Annual Review of Anthropology*. — 1995. — Vol. 24; Gottman J., Notarius C. Marital research in the 20th century and a research agenda for the 21st century // *Family Process*. — 2002. — Vol. 41. — № 2; Sprey J. Theorizing in family studies: discovering process // *Journal of Marriage and the Family*. — 2000. — Vol. 62.

останавливаясь подробно на их анализе⁴, лишь кратко прокомментирую ряд выводов, которые стали исходными предпосылками при составлении этого сборника.

«Нет правды о цветах, а есть ботаника»

Кочующие из работы в работу разнообразные вариации фразы о том, что «семья, как известно, является первичной ячейкой общества»⁵, при всей своей клишированности тем не менее хорошо передают суть господствующей аналитической традиции: несмотря на изменения типа социальной «сети» и размеров составляющих ее «ячеек», *системный* характер отношений между целым («сетью») и его частью («ячейкой»), как правило, остается постоянным. Иногда логика этих отношений приобретает гомологический характер, и семья превращается в микрокосм, отражающий суть происходящих перемен в обществе в целом⁶. В ряде случаев семья, напротив, воспринимается как «остров стабильности», защищающий свое «население» от влияния «внешних» социальных трансформаций⁷. Определяющим при таком подходе, однако, является даже не содержание *отношений* между ячейкой и обществом, а само аналитическое стремление находить логику функционирования семьи в процессах функционирования *других* институтов и систем.

Упрощая, многочисленные версии дихотомии «частное/целое», характерные для отечественных исследований семьи, можно

⁴ Полезные обзоры социологической и демографической литературы по вопросам семьи см. соответственно: Клецин А. «Социология семьи» и Захарова О. «Исследования демографических процессов и детерминация рождаемости» (*Социология в России* / Под ред. В. Ядова. — М., 1998.)

⁵ См., например: Шмелева М. Н. Некоторые проблемы этнографического изучения современной городской семьи русских (методологические аспекты) // *Проблемы и методы исследования современной семьи*. — М., 1997. — С. 24; Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М., Мещеркина Е., Пискалова М. *Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году*. — М., 1999. — С. 53.

⁶ См., например: Здравомыслова О. М., Арутюнян М. Ю. *Российская семья на европейском фоне*. — М., 1998.

⁷ См.: Римашевская Н. М. Роль семьи в условиях социальных трансформаций // *Семья, гендер, культура*. Отв. ред. В. А. Тишков. — М., 1997. — С. 117; Василенко И. В., Иваненко Н. В. Нравственные координаты внутрисемейного сознания // *Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы*. — Т. 1. — М., 1999. — С. 142.

сгруппировать по трем основным способам организации материала. Монополия *производственного подхода*, в рамках которого семья выступает, прежде всего, в виде социального института — *органа*, — призванное вносить свой вклад в дело воспроизводства общества⁸, в течение двух последних десятилетий была основательно подорвана двумя другими направлениями. При помощи сравнительно-сопоставительного анализа эти направления постарались продемонстрировать относительный, т.е. *преходящий* и исторически обусловленный характер семейных форм. Так, для *эволюционного* подхода принципиальным оказалось исследование своеобразного диахронического «континуума», своеобразной цепи временных изменений тех задач, поиски ответов на которые, собственно, и определяли в каждый исторический момент специфику семейных конфигураций, механизмы семейного *устройства*. В свою очередь, *экономическая критика патриархата*, сфокусировавшись на частной сфере как области конкуренции ресурсов, накопленных в сфере публичной, позволила рассматривать семью как определенный результат — *образование* — патриархальной культуры, в которой постоянно изменяющиеся условия доступа к разнообразным ресурсам являются причиной динамичных изменений *позиций* супругов. Обобщая, остановлюсь лишь на основных положениях обозначенных подходов.

В работе, посвященной анализу этнорегиональных особенностей семьи в России, исследователь О. А. Ганцкая отмечает:

В настоящее время семья является основой большинства фермерских хозяйств. Однако в России и части сопредельных государств в современной кризисной экономической ситуации создание семейных ферм, их выживание, рост производимой ими продукции, увеличение товарооборота, укрепление финансовой базы крайне затруднено. Причины этого прежде всего в недостаточности полученных кредитов, обесцененных инфляцией, необеспеченности ферм тягловой рабочей силой, транспортными средствами, сельскохозяйственными машинами..., самым обычным инвентарем, отсутствии традиционных надворных построек, которые были разрушены за ненадобностью после проведения коллективизации. ...Кроме этих, относящихся к внесемейной сфере причин, есть еще причины, коренящиеся в структуре самой семьи. Главная из них — нехватка рабочих рук в фермерском хозяйстве семьи с одним, двумя детьми.... В такой [малодетной] семье с расширением частного хозяйства и постепенным старением

⁸ См.: Антонов А. И., Борисов В. А. *Кризис семьи и пути его преодоления*. — М., 1990; Антонов А. И., Медков В. М. *Социология семьи*. — М., 1996.

родителей становится особенно осязаемым недостаток мужской рабочей силы, если в ней нет сыновей, или они есть, но никто не хочет становиться фермером. Довольно трудно заполучить в этом случае зятя, который работал бы на ферме родителей жены, не становясь одним из ее собственников. Призыв сыновей в армию лишает родителей их помощи и до вступления в брак⁹.

Принцип синекдохи, сводящей целое к его части, на котором строится аргументация Ганцкой, во многом является характерным для (пост)советской функционалистской традиции интерпретации общества и семьи. В данном случае при помощи серии редукций исследователь смогла выстроить последовательную цепочку: «семья» — «фермерское хозяйство» — «рабочие руки» — «(мужская) рабочая сила». Количественная логика, положенная в основу исследования — «к определяющим признакам семьи относится ее средний размер»¹⁰, — оказалась воспроизведенной и на уровне результатов: «размер семьи» трансформировался в количество «рабочих рук». Закономерен и вывод: «Выходом из создавшегося положения с необеспеченностью малолетних нуклеарных семей рабочей силой стал бы отчасти наем сезонных или постоянных работников...»¹¹.

Понятно, что аналитическая модель, в которой хозяйственные и семейные отношения оказываются синонимичными, может быть «естественной» лишь в определенном методологическом контексте. Московский социолог А. И. Антонов сформулировал суть этого контекста, пожалуй, наиболее точно, охарактеризовав семью как «общность людей, связанных отношениями супружества, родительства и родства на основе совместного домохозяйства и (или) производства, которая выполняет функции воспроизводства населения и социализации детей, а также содержания (поддержания существования) членов семьи»¹².

Ограниченность такого подхода, на мой взгляд, заключается не только в том, что интерпретация семьи как своеобразной трудовой артели, нацеленной на биологическое и материальное само-вос-

⁹ Ганцкая О. А. Этнорегиональные особенности семьи в России (некоторые проблемы и результаты сравнительного изучения) // *Проблемы и методы исследования современной семьи*. — М., 1997. — С. 18—19.

¹⁰ Там же. — С. 8.

¹¹ Там же. — С. 19.

¹² Антонов А. И. Семья как институт среди других социальных институтов // *Семья на пороге третьего тысячелетия*. — М., 1995. — С. 185.

производство своих членов — совместное домохозяйство, выполняющее функции собственного воспроизводства, — носит тавтологический характер. Проблема еще и в том, что и этот производственный подход, и риторика «эрозии семьи», раскрывающая «всю глубину нравственного упадка в обществе»¹³, которой он обычно сопровождается, лишь повторяют логику идеализированной — «органической» — модели общества в виде замкнутого натурального хозяйства с соответствующей ему замкнутой структурой сословий¹⁴.

Этот идеализм прошлого — и, добавлю, прошедшего, — вызывающий традиционные упреки в политическом консерватизме, однако, следует рассматривать не только как следствие собственно идеологических предпочтений сторонников функционализма, но и как своеобразный эффект их теоретической стратегии. Редукционизм, сводящий смысл того или иного социального института к его функции, возможен лишь в рамках стабильной (знаковой) системы: функция органа-«части» есть производное от определенного «целого». Стремление к риторической консервации этого «целого», соответственно, становится и условием выживания, и условием эффективности функционалистского взгляда на мир.

В свою очередь, многофункциональность институтов, их развитие и изменение, их принципиальная несводимость к *главной* «функции», т.е. их неспособность выступать в качестве *частного* проявления *общей* логики («производства»), лишает функциональный подход его основной — *системо-образующей* — предпосылки. Приведу один пример. Этнограф Т. В. Лукьянченко, исследующий семейную жизнь современных саамов Кольского полуострова, пишет:

Семья как микроедица саамского общества, призванная выполнять важнейшую функцию по передаче молодому поколению трудового опыта, традиционной культуры, участвовать в социализации молодежи, практически плохо справляется со своими задачами. Проблема воспитания детей и передачи им всего богатства традиционных навыков и знаний, которые необходимы, в частности, для занятий оленеводством и другими промыслами, неразрешима до тех пор, пока многие дети значительную часть времени живут не дома, а в интернатах. Традиционные трудовые навыки дети могут получить только от сво-

¹³ Там же. — С. 197.

¹⁴ Критику аналогичной идеализации сельской семьи христианскими демократами восточной Европы см., например: Салецл Р. *(Из)вращения любви и ненависти*. — М., 1999. — С. 96—97.

их родителей в семье. Тем самым создается угроза подготовке квалифицированных кадров для традиционного хозяйства¹⁵.

Неспособность *современной* семьи справиться с передачей опыта *традиционной* культуры воспринимается в данном случае не как результат изменения содержания конкретной культуры, но как следствие лишения отдельного института — «семьи» — исторической монополии на профессиональную социализацию. Стабильность «традиционной культуры», таким образом, выступает как социальная и теоретическая данность, а условием непрерывного «воспроизводства» этой стабильности становится уже знакомый тезис о необходимом количестве «рабочих рук».

Историчность семейной формы, ее зависимость от определенного экономического и культурного уклада, оказывается в функциональном подходе риторически преодоленной за счет смещения акцента с конкретного *характера* семейного производства на производство как *способ* жизнедеятельности. Такое акцентирование *процесса* позволяет использовать производственную модель семьи в качестве универсального нормативного лекала, по отношению к которому выравниваются все остальные формы семейных отношений¹⁶.

Закономерно, что вне производственного контекста семья оказывается лишенной собственной содержательной специфики, в лучшем случае выполняя функцию передатчика, ретранслятора трудовых или, допустим, культурных навыков, значимость и на-

¹⁵ Лукьянченко Т. В. Проблемы современной семьи кольских саамов // *Проблемы и методы исследования современной семьи*. — М., 1997. — С. 110—111.

¹⁶ В связи с этим показателем перечень вопросов для исследования семьи («шкала фамилизма»), приведенный в одной из работ Антонова: «1. Как вы думаете, следует ли платить детям моложе 16 лет за их работу в семье? 2. Как вы считаете, должны ли работающие дети моложе 21 года и живущие в семье отдавать всю зарплату родителям? 3. Кому следует ухаживать за престарелыми родителями — их детям или правительству? 4. Если ваши родители не советуют жениться на девушке, которую вы выбрали, женитесь ли вы на ней? 5. Следует ли детям, создавшим собственную семью, жить вместе с их родителями? 6. Как вы думаете, можно ли вступать в брак с человеком другой религиозной веры? 7. Можно ли заключать брак с человеком другой национальности? 8. Могли бы вы сделать своего сына партнером вашей фирмы? 9. Понравится ли вам намерение вашего сына пойти по вашим профессиональным стопам? 10. Следует ли советоваться по важным семейным вопросам с близкими родственниками...?» (Антонов А. И. Социологический подход к изучению взаимоотношений в семье // *Психология семьи* / Под ред. Райгородского. — Самара, 2002. — С. 402—403.)

полнение которых определяются, как правило, за пределами семьи. Соответственно, оказываются излишними вопросы и о возможных изменениях характера семейных отношений, и о выборе форм семьи, и об источниках и направлениях развития той (системной) модели общества, благодаря которой господствующим типом семейной организации стала «кузница квалифицированных кадров». «Оленеводство», подобно анатомии у Фрейда, становится здесь судьбой, а не исторически сложившейся реакцией на географическое распределение людей, условий и доступных ресурсов.

Вполне предсказуемым является и то, что при необходимости «производственная логика» может использоваться и как аргумент в защиту семьи, и как аргумент в пользу ее фактической ликвидации. В начале 1930-х годов Антон Макаренко, известный советский педагог и литератор, в одном из своих текстов, посвященных социалистическому воспитанию («соцвосу»), с жаром настаивал на том, что «именно детскому дому принадлежит советское педагогическое будущее»¹⁷. Мотивация, предложенная Макаренко, при этом принципиально не отличалась от доводов, изложенных выше:

...Через пять лет, когда наша промышленность потребует не одну тысячу женщин на производстве, когда в семью войдет матерью нынешняя свободная девушка, воспитанная в презрении к пеленочной и печной квалификации, мы обязательно скажем, что именно воспитание наших детей осталось без необходимых для этого институтов. ... Детский дом есть будущая форма советского воспитания. Он, конечно, не может быть даже подобием детского дома, наполненного искусственно изолированной беспризорщиной... Только детский дом, наполненный здоровым детством, знающим, что где-то на фабрике работают отец и мать, имеющим с ним связь и не лишенным ласки матери и заботы отца, только такой детский дом будет настоящим советским соцвосом, потому что в нем объединятся как воспитательные деятели и государство, и новая семья, и совершенно иной уже деятель — ребячий производственный, и образовательный, и коммунистический первичный коллектив.

И такой детский дом не только необходим, но и неизбежен, и, самое главное, вполне возможен. Правильно организованный и оборудованный детский дом, дающий ребенку несравненно больше того, что способна дать самая лучшая семья, в то же время представляет собой производственную организацию. ...В самых круглых цифрах можно предвидеть, что если все детство СССР будет организовано в детских домах, оно будет давать в год продукции на сумму один мил-

¹⁷ Макаренко А. С. О путях общественного воспитания // Макаренко А. С. *Собр. соч.: В 7 т.* — Т. 7. — М., 1960. — С. 383.

лиард рублей. Это обстоятельство должно определить дешевизну содержания ребенка, следовательно, выгодность для семьи помещения ребенка в детский дом¹⁸.

Макаренко во многом лишь довел до логического конца суть подхода, озвученного позднее многочисленными сторонниками производственно-производительного взгляда на семью: если производство материальных условий и воспроизводство населения являются теми базовыми функциями, на пересечении которых, собственно, и возникает семья, то насколько целесообразно существование данного института при обобществлении или, допустим, профессионализации этих функций (вос)производства? Условно говоря, что произойдет с «семьей саамов», если навыкам «оленоводства и других промыслов» станут учить не дома, а в училище? Ограниченный метафорой производства в качестве своей объединяющей идеологии и принципом синекдохи в качестве исследовательской методологии, функциональный анализ семьи — точнее, семейного (вос)производства — оказался не в состоянии объяснить природу того «неделимого остатка», благодаря которому семья — несмотря на постоянные изменения своей конфигурации — тем не менее сохраняет свою актуальность.

Во многом именно одномерность производственного подхода (количество рабочих рук, детей, браков, разводов и т.п.) стала объектом критики со стороны исследователей, заинтересованных не столько в демонстрации воспроизводства общественно значимой «нормы», сколько в анализе условий ее — «нормы» — происхождения. Стремление пошатнуть нормативную функцию «производства» реализовалось в виде попыток продемонстрировать, что исторически формирование семейных «ячеек» строилось на *различных* функциональных принципах. В итоге, наряду с анализом структурной позиции семьи в сети общественных отношений определяющим для *эволюционного* подхода стало изучение «исторически сменяемого акцентирования одного из основных семейных отношений»¹⁹, т.е. изучение диахронических изменений иерархии отношений *внутри* самой семьи. Процессуальная логика производственного процесса, таким образом, оказалась вытесненной логикой внутреннего *устройства* института, логикой его функционального развития. Три «идеальных исторических типа семьи»,

¹⁸ Там же. — С. 384.

¹⁹ Голод С. *Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты*. — Л., 1984. — С. 14.

предложенные петербургским социологом С. И. Голодом²⁰, и были призваны обозначить — и тематически, и структурно — направление этого развития.

Согласно этой типологии, *патриархальная* («наиболее архаичная») форма семейной «зависимости жены от мужа и детей от родителей» сменяется *детоцентристской* («современной») семьей, с характерным для нее повышенным вниманием к разнообразным аспектам частной жизни вообще и эмоциональной составляющей, связанной с родительством, в частности. Наконец, итоговым вариантом становится *«супружеский»* («постсовременный») тип моногамии, в основе которого лежит «симметричность прав и ответственности обоих супругов»²¹. Суть развития семьи, таким образом, заключается в следующем движении форм: «на суживающемся фоне патриархальной и, отчасти, детоцентристской семьи набирает силу супружеский тип...»²².

Аналитическая (и политическая) привлекательность эволюционного подхода понятна. Семья перестает выступать непосредственным отражением «материального базиса» и приобретает, если не собственную логику, то, по крайней мере, собственную траекторию развития. Проблема заключается, на мой взгляд, в том, что такое исследование «имманентных закономерностей»²³ семьи — или «органического порядка» в терминах Даля — базируется на предпосылках, которые, строго говоря, принципиально не отличаются от редуccionистского функционализма. Правда, в роли системы в данном случае выступает не воспроизводство общества, а сама семья; в свою очередь, роль органов-«частей» играют отношения *внутри* семьи, специфически сгруппированные в ходе реализации той или иной функции. Иными словами, новизна эволюционного подхода стала результатом не столько смены интерпретационной парадигмы, сколько смены, так сказать, диоптрий аналитической оптики: «дальнозоркость» производственного макро-анализа семьи оказалась вытесненной «близорукостью» микро-анализа эволюционного. Говоря о детоцентристском типе семьи, С. Голод, например, отмечал:

²⁰ См., например, Голод С. И. Моногамная семья: кризис или эволюция? // *Социально-политический журнал*. — 1995. — № 6.

²¹ Там же. Цит. по: *Психология семьи* / Под ред. Райгородского... — С. 245—258.

²² Голод С. И. *Стабильность семьи...* — С. 96.

²³ Голод С. И. Моногамная семья... — С. 247.

...совместное проживание мужа и жены... требует *адаптации* их индивидуальных планов, претензий и поведенческих стереотипов относительно друг друга. ...[т.е.] должен возникнуть ряд тесно связанных между собой приспособительных отношений, каждое из которых в большей или меньшей (но непременно значимой) степени оказывает воздействие на устойчивость семьи. Судя по моим эмпирическим материалам, существуют, по меньшей мере, семь адаптационных ниш: психологическая, духовная, бытовая, сексуальная, информационная, родственная и культурная. Эти ниши имеют подвижную иерархизированную структуру, сдвиги в ней детерминируются стадией эволюции индивидуальной семьи²⁴.

Хотя степень «имманентности» указанных «ниш» и наличие, вернее, наделение этих ниш «собственным», несовпадающим содержанием, и может стать предметом серьезных дискуссий, основной вопрос связан не с этим. Несмотря на общее стремление к жесткому структурированию²⁵, как мне кажется, для Голода принципиальна все-таки сама адаптация, а не ее формы. Дело в другом — в рамках структуралистской логики Голода с трудом объясняется *причина* перехода одного типа семьи в другой. Точнее, как и в любом системном анализе, источники принципиальных изменений самой системы здесь также находят(ся) вовне.

«Постсовременная семья» с ее «антирутинным механизмом», основанным на автономности интересов супругов — «круг значимого общения для каждого из них выходит за рамки супружества»²⁶, — является в данном случае показательным примером. Базовый принцип организации этой семьи, одновременно и конституирующий неустранимую различность супругов, и являющийся усло-

²⁴ Интервью с профессором Сергеем Исаевичем Голодом // *Журнал социологии и социальной антропологии*. — 2002. — №3. — С. 13; см. также: Голод С. И. *Стабильность семьи...* — С. 69.

²⁵ Свои интерпретации С. Голод строит в основном с помощью одного и того же методологического приема типологизации/таксономии. В зависимости от объекта исследования, речь может идти, например, о *типах* семьи (Голод С. И. *Стабильность семьи...*), *типах* «сексуальных отношений» и *типах/вариантах* «сексуальных связей» (Голод С. И. *XX век и тенденции сексуальных отношений в России*. — СПб., 1996. — С. 65—71; 82—83) или, наконец, о легитимных/нелегитимных сексуальных *стандартах* (Голод С. И. *Российские сексуальные стандарты и их трансформация (вторая половина XX столетия)* // *Журнал социологии и социальной антропологии*. — 2000. — № 2. — С. 142—143; Голод С. *Нелегитимные молодежные сексуальные стандарты* // *Человек*. — 2002. — № 3).

²⁶ Голод С. И. *Моногамная семья...* — С. 258.

вием стабильности супружества, заключается в широте *индивидуального* опыта каждого супруга. Иными словами, успех *семейной* жизни зависит от уникальности *вне-семейных* отношений каждого из супругов.

О семье как поле дифференцирующих отношений речь пойдет чуть ниже. Пока же мне хотелось лишь акцентировать то, что дихотомия «частное/целое» («адаптационная ниша»/«семья», «индивидуальные интересы»/«супружество» и т.п.), лежащая в основе рассматриваемого подхода, оказывается эффективной лишь в рамках более общей бинарной схемы «системное/внесистемное».

Сформулирую чуть иначе — исходное восприятие семьи «как системы» с неизбежностью требует постоянной — в данном случае методологической — цензуры, постоянного очерчивания границ, постоянного маркирования объектов, которые, находясь вне системы, собственно, и формируют ее пределы.

Вне-системным «вне-семейным опытом» супругов данная «цензура», разумеется, не ограничивается; настойчивое стремление Голода «вывести» однополюе союзы за рамки предложенной им эволюционной типологии призвано сыграть аналогичную роль²⁷. В недавней статье о «нелегитимных сексуальных стандартах» молодежи Голод, например, отмечал:

Будучи социологом, не стану множить спор по поводу этиологии гомосексуализма, скажу лишь следующее. Гомосексуализм (в обеих своих разновидностях) — природная аномалия. Поэтому гомогенные браки — нонсенс. В обсуждаемом случае сексуальность не столько автономна от прокреации, сколько от нее полностью независима. Даже английский парламент, который может все, не в состоянии обязать мужчин рожать детей. Иное лесбиянки, они, как показывает опыт, по большей части бисексуальны: прерывают на время (или навсегда) гомогенную связь и рожают детей...²⁸

Любопытным в данном пассаже является не только его содержательная сторона, причудливо увязывающая воедино *социальный*

²⁷ Сходную роль в формировании системного и вне-системного играет прием цензуры и в попытках Голода объяснить те или иные модели (сексуального) поведения в России влиянием извне. В своей работе 1997 г. социолог, например, отмечал: «В последнее время появились новые свидетельства экспансии в нашу культуру исторически чуждых поведенческих стереотипов» (Голод, *XX век и тенденции сексуальных отношений...* — С. 148).

²⁸ Голод С. И. *Нелегитимные молодежные сексуальные стандарты...* Цит. по: <<http://courier.com.ru/homo/ho0302golod.htm>>

статус («брак») с «природными» нормативами, а сексуальность — с деторождением. Примечательным является и риторическая структура этого абзаца: общие рассуждения о (гомо)сексуальных *мотивациях* молодежи неожиданно прерывает тема «гомогенного брака», артикулированная с помощью негативной лексики («аномалия», «нонсенс», «независима», «не в состоянии» и т.п.). Поддержание чистоты рядов, точнее — воспользуюсь терминологией Голода — поддержание непротиворечивости картины «целостного состояния нравов»²⁹ требует соответствующих мер: явление, подрывающее целостность системы, должно быть выведено за ее пределы.

Как показывают многочисленные постструктуралистские исследования, подобная процедура отрицания, являясь неотъемлемой частью системного анализа, однако, имеет свою собственную логику³⁰. Будучи не в состоянии контролировать объект, существование которого оно стремится поставить под сомнение, отрицание нуждается в постоянном повторении, в своем постоянном воспроизводстве. И потому, что объект отрицания имеет тенденцию возвращаться — в новых формах и в новых местах, — и потому, что именно при помощи приема отрицания конструируется сама «положительная» система, в отношении с которой отрицаемый объект приобретает свою маргинальную местоположенность³¹.

Разумеется, и общая бинарность эволюционного подхода, и его навязчивое стремление к классификациям и таксономиям, призванным выстроить (или ниспровергнуть) еще одну иерархию, и тесная зависимость его эффективности от эффективности соответствующих механизмов исключения и маргинализации вряд ли являются чем-то принципиально новым. Данная версия социологии семьи лишь повторяет путь, который проделала, например, в свое время советская семиотика³². Однако, в отличие от социоло-

²⁹ Там же.

³⁰ Как писал Жак Лакан: «То, что подпадает под эффект подавления, возвращается, поскольку подавление и возвращение подавленного — это лишь две стороны одной монеты. Подавленное всегда имеет место быть, выражая себя совершенно артикулированным способом в симптомах и целом букете других явлений» (Lacan J. *The Psychoses: 1955—1956*. — New York, 1993. — P.12). См. также: Kristeva J. *Powers of horrors. An essay on abjection*. New York, 1982.

³¹ См.: Butler J. *Excitable speech: a politics of the performative*. — New York, 1997.

³² См., например, статью И. Ревзина «О целях структурного изучения художественного текста» // *Вопросы литературы*. — 1965. — № 6. См. также poleмику Б. Гаспарова по поводу структуралистских аспектов советской семиотики: *Московско-Тартуская семиотическая школа: История, воспоминания, размышления* / Сост. С. Ю. Неклюдов. — М. — 1998.

гов, одним из ответов семиотиков на ограниченность системной логики, напомним, стал тезис об *амбивалентности* (знаковой) системы с характерной для нее «неопределенностью структуры»³³. В известной статье 1974 года о динамических моделях культуры Ю. Лотман писал:

...Состояние амбивалентности возможно как отношение текста в системе, в настоящее время не действующей, но сохраняющейся в памяти культуры (узаконенное в определенных условиях нарушение нормы), а также как отношение текста к двум взаимно не связанным системам, если в свете одной текст выступает как разрешенный, а в свете другой — как запрещенный.

Такое состояние возможно, поскольку в памяти культуры... хранится не одна, а целый набор метасистем, регулирующих его поведение. Системы эти могут быть взаимно не связаны и обладать различной степенью актуальности. Это позволяет, меняя место той или иной системы на шкале актуализованности и обязательности, переводить текст из неправильного в правильный, из запрещенного в разрешенный. Однако смысл амбивалентности как динамического механизма культуры именно в том, что память о той системе, в свете которой текст был запрещен, не исчезает, сохраняясь на периферии системных регуляторов³⁴.

Как мне кажется, сходная изначальная амбивалентность «семейной системы», точнее — прямая зависимость «системного» характера семьи от используемой — воспользуюсь терминологией Лотмана — «шкалы актуализованности и обязательности», и оказалась утраченной в эволюционном подходе. Иными словами, именно установка на «системный» характер семьи и делает возможным выделение в ней разнообразных «адаптационных ниш», а проведение границы между «частным» («внутренним») и «публичным» («внешним»), в свою очередь, позволяет говорить о стабилизирующем влиянии «вне-семейной» деятельности супругов на характер их «частной» жизни.

Попытка «реставрировать» исходную амбивалентность семейной структуры, попытка показать благодаря актуализации каких регулирующих «метасистем» и «шкал» те или иные элементы этой структуры оказались «переведенными» на положение «внутренних» и «имманентных», во многом связана со стремлением уйти от

³³ Подробнее об этом см.: Oushakine S. Crimes of substitution: Detection in late soviet society // *Public Culture*. — 2003. — Vol. 15 (3).

³⁴ Лотман Ю. Динамическая модель семиотической системы // Лотман Ю. *Соч.: В 3 т.* — Т. 1. — Таллинн. — 1992. — С. 98.

(прямо)линейности эволюционного подхода. Тезис о структурной неопределенности, о структурной амбивалентности семьи позволяет увидеть в ней социальное пространство *одновременного* действия многообразных, несовпадающих и зачастую противоречивых процессов и явлений, не укладывающихся в рамки стройных системных построений. И речь в данном случае, разумеется, идет не о релятивизме, но о внимании к *специфическим* способам решения *типичных* проблем, с которыми сталкиваются люди в поле родственных отношений³⁵. Говоря иначе, идея амбивалентности семейной структуры позволяет всякий раз «актуализировать» содержательное наполнение понятия «семейный» заново, учитывая и многообразие соответствующих контекстов, и многообразие аналитических «шкал». Предметом анализа, таким образом, становятся не только «ячейки», составляющие (социальную) «сеть», но и «нити», из которых эта «сеть» плетется.

Важным последствием отказа воспринимать деление социального поля на «семейное» и «вне-семейное» в качестве обязательной предпосылки анализа семьи, таким образом, является возможность локализовать сам момент этой дифференциации, увидеть, в силу каких причин и при каких условиях из материала тех или иных социальных отношений становится возможным выкроить «семейный» продукт, чтобы — продолжу метафору — понять, как одна и та же социальная ткань может стать основой различных «семейных» моделей.

Проблематичность момента дифференциации «вне/семейно-го» четко продемонстрировала экономическая критика патриархата. Оформившись в России последние десять-пятнадцать лет в виде своеобразного направления феминистского анализа, эта критика привлекла внимание к важной проблеме властного контекста, в котором формируются и функционируют семьи. Патриархат здесь превратился в своеобразную метасистему, регулиующую образование и осмысление большинства социальных процессов и институтов. Именно выбор подобной интерпретационной шкалы, на мой взгляд, обусловил как сильные, так и слабые стороны экономической критики семьи. С одной стороны, акцент эконом-феминизма на *историчности* патриархата позволяет прийти к логичному выводу о возможности иного — например, более эгалитарного — способа распределения ресурсов и власти. В то же

³⁵ См. об этом: Coontz S. Historical perspectives on family studies // *Journal of Marriage and the Family*. — 2000. — Vol. 62. — P.294.

самое время, собственная позиция этой критической практики (в рамках) уже сложившейся/сложенной аналитической и интерпретационной традиции, т.е. ее структурная и содержательная *зависимость от патриархата*, пока не позволила этому течению сформулировать ни собственную теоретическую, ни собственную методологическую основу³⁶.

Ярче всего «апофеоз» теоретической беспочвенности экономической критики патриархата проявился в виде явного несоответствия между критикой традиционных форм семьи, ставших итогом «разделения всей человеческой активности на приватную и публичную»³⁷, — разделения, с которым и ассоциируется собственно патриархальная культура, с одной стороны, и анализом разделения труда, ресурсов и ответственности *внутри* семьи как основным объектом эконом-феминистских исследований — с другой. Анализ разделения труда в сфере частной жизни, таким образом, ведется одновременно с общей критикой тех самых патриархальных механизмов, которые, как предполагается, сделали появление и существование частной сферы возможными. Иными словами, в то время как («патриархальный») принцип исходной дифференциации ставится под сомнение, непосредственный продукт этой дифференциации («частная сфера») превращается в основной объект исследовательских интересов и инвестиций.

В ряде конкретных исследований такая ситуация привела к любопытному методологическому явлению: производственный анализ семьи оказался слитым с эволюционным анализом внутренних механизмов ее устойчивости. Став частным проявлением патриархата, семья превратилась в «институт воспроизводства традиционной гендерной идентичности»³⁸, а брак — в «мощный бастион норм, чувств и привычек, которые закрепляют мужские привилегии и основываются на них» (*Окно...* С. 18). Однако даже это весьма решительное «обобществление» функций семьи, даже эта настойчивая демонстрация примеров того, что ткань «семейных»

³⁶ Обсуждение теоретической состоятельности отечественных «гендерных исследований» см. в моих статьях: «Пол как идеологический продукт: о некоторых направлениях в российском феминизме» // *Человек*. — 1997. — № 2. — С. 62—75; «Человек рода он»: знаки отсутствия // *О муже(Н)ственности* / Сост. С. Ушакин. — М., 2002. — С.12—20.

³⁷ Римашевская Н. и др. *Окно в частную жизнь...* — С. 112. Далее ссылки на это издание даются в скобках в тексте с указанием страниц.

³⁸ Малышева М. *Современный патриархат: социально-экономическое эссе*. — М., 2001. — С. 225.

отношений не отделима и — зачастую — не отличима от ткани отношений «публичных», не привели эконом-феминизм к отказу от исходной дихотомии «частное/публичное». Попытки теоретически осмыслить правомерность и уместность подобного деления оказались в тени политического стремления придать *общественную* значимость фактам и процессам *частной* жизни (женщин).

Понятно, что в ходе таких попыток «частная жизнь» практически не изменила — и вряд ли могла изменить — свое подчиненное структурное положение в иерархии публичное/частное. Изменениям подверглось содержательное наполнение «частной жизни». Например, в коллективном исследовании «*Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году*», опубликованном в 1999 году, картина «русской частной жизни» формируется такими главами: «*Разделение труда в семье и принятие решений*», «*Восприятие качества брака и мысли о разводе или опыт развода*», «*Вербальное и физическое насилие в партнерских отношениях*». По степени избирательности в восприятии семейной жизни — домашний труд/принятие решений/мысли о разводе/акты насилия — подобное моделирование лишь повторяет (в негативной форме) идеализацию натурального домохозяйства, рассмотренную выше. Однако есть здесь и принципиальное отличие — место *процессуальной логики* производственного подхода в качестве универсального интерпретирующего принципа в экономической критике патриархата занимает идея *занятости*.

Этот переход от анализа участия в процессе (вос)производства к анализу структурного позиционирования участников (вос)производства принципиален³⁹. Категория «занятости», позволяя абстрагироваться от ее конкретного содержания, актуализирует *пространственные* характеристики членов семьи, столь важные для феминизма в целом. Смысл *места* занятости определяется не *содержанием* труда, связанным с этим местом, а социальной *оценкой* этой позиции. Одна и та же деятельность, выполняемая в разных сферах, может иметь принципиально разные значения. «Публичная сфера» — с ее механизмами спроса/предложения, конкуренцией меж-

³⁹ Подробнее см.: Harding S. Rethinking standpoint epistemology: «What is strong objectivity» // Alcoff L., Potter E., eds. *Feminist epistemologies*. New York, 1993; Hartsock, N. «The feminist standpoint: developing the ground for a specifically feminist historical materialism» // Harding, S. ed. *Feminism and methodology: Social science issues*. Bloomington, 1987. См. также: Маннхейм К. Проблема интеллигенции: исследование ее роли в прошлом и настоящем. // Маннхейм. К. *Избранное: Социология культуры*. — М., 1996.

ду людьми за доступ к ресурсам и рыночной оценкой их способностей и возможностей — воспринимается как нормативный источник признания и самореализации. В свою очередь, «частная сфера», увязанная с «неоплачиваемым трудом, выполняемым ради поддержания дома и жизнедеятельности членов семьи» (*Окно... С. 118*), и, соответственно, не поддающаяся под действие механизмов рыночной регуляции и оценки, превращается в своеобразное гетто. Например, несмотря на то что большинство российских мужчин и женщин склонны считать зарабатывание денег преимущественно мужским делом (*Окно... С. 111*)⁴⁰, тот факт, что семейный бюджет в большинстве российских семей находится в управлении женщин, в рамках данного подхода объясняется не специфическим распределением *власти*, но сложившейся традицией распределения *ответственности* и, соответственно, безответственности супругов:

В России традиционно женщины несли ответственность за ведение денежных расходов с учетом нужд членов семьи. Мужья часто не имели ясного представления о семейных нуждах, и эта обязанность воспринималась как своеобразный вид каждодневной рутины. В прошлом молчаливый отказ мужчин распорядиться деньгами был обусловлен их низким заработком. Требовалось постоянное напряжение, чтобы удовлетворить базовые потребности членов семьи, исходя из среднего размера доходов мужчин. ...С началом рыночных преобразований ситуация изменилась. ...количество зарабатываемых денег стало в семьях существенно различаться... Тем не менее сегодня почти в половине семей, попавших в выборку, эту работу [по управлению семейным бюджетом] делают женщины; мужчины занимают ей только в 10% случаев. (*Окно... С. 124*)

Цитата показательна в нескольких аспектах. Отсутствие интерпретационной схемы ведет к активизации ряда риторических приемов: стадия «контроля за деньгами» выделяется из общего цикла, при этом «денежные *расходы*» увязываются не с денежными *доходами*, а с «нуждами». Одновременно происходит риторическое снижение статуса «управления бюджетом»: из «контроля за деньгами» оно превращается в «каждодневную рутину», в отличие, надо полагать, от традиционно насыщенного и увлекательного процесса зарабатывания денег. Сниженный статус «рутины», в

⁴⁰ По данным еще одного исследования 56,5% жен, считающих, что им удалось создать счастливую семью, отметили, что основной вклад в семейный бюджет вносит муж (26,1% — поровну, 14,6% — жена). См.: *Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится?* / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. — М., 2002. — С. 63.

свою очередь, дополнительно усиливается при помощи количественных характеристик «объекта контроля» («низкий заработок», «средние размеры доходов»). Любопытно, что, несмотря на *семейный* характер бюджета, упоминания о каких бы то ни было размерах заработка женщин — во избежание риторической конкуренции — отсутствуют в принципе. Существенно и другое — невозможность объяснить *сегодняшнее* состояние подменяется ссылкой на то, как «традиционно» обстояли дела в социалистическом «прошлом».

Подобная риторика интересна не только как удачный пример дискурсивных стратегий в условиях отсутствия теоретической гипотезы. Цитата наглядно демонстрирует структурную зависимость логики эконом-феминизма от «патриархальных» принципов картографии социального пространства. Только на фоне исходной дихотомии «частное/публичное» можно понять, почему при анализе одного и того же явления («семейный бюджет») одновременно актуализируются две различные интерпретационные шкалы: то есть, условно говоря, почему *формирование* (мужчинами) доходной части бюджета (в рамках «публичного пространства») может рассматриваться как проявление их патриархальных установок, а *исполнение* (женщинами) расходной части этого же самого бюджета (в рамках «частной сферы») — как проявление их ответственности перед членами семьи. Форма — «публичная/частная» — *занятости* приобретает характер (место)*положенности*, становясь в итоге не только фактом социальной биографии и/или структурной географии общества, но и объясняющим принципом, своего рода оценочной категорией. Приведу еще один пример. По мнению московского социолога М. Малышевой, тот факт, что большинство решений в российских семьях принимается женщинами,

...свидетельствует не об их власти и авторитете в доме, а о гипертрофированной ответственности, принуждающей сосредоточиваться на домашних проблемах и ограничивать притязания на успех вне частного пространства⁴¹.

Как и в предыдущем случае, важен не процесс, не само принятие решения, т.е. не сама власть и даже не обладание ею — важно *место* реализации властных полномочий, точнее, важно публичное — «вне пределов частного» — подтверждение существования этих полномочий. Важен и еще один момент: отказ воспринимать семейные стратегии женщин в терминах власти позволяет

⁴¹ Малышева М. *Современный патриархат...* — С. 275.

обойти неприятные вопросы как о собственной роли женщин в воспроизводстве патриархата, так и о тех властных иерархиях, которые они выстраивают в своих отношениях с родственниками⁴². Локализовав семью вне поля действия властных отношений, эконом-феминизм удобно ограничил сферу реализации (патриархальной) власти лишь случаями супружеского насилия, которые, в свою очередь, нередко трактуются как следствие неравного распределения ресурсов между супругами (*Окно...* Гл. 7)⁴³.

Безусловно, преобладание экономизма в феминистской критике семейных отношений во многом стало своеобразной реакцией на отсутствие признания экономической ценности домашнего труда (женщин)⁴⁴. И все же, мне кажется, не стоит преуменьшать роль этой риторики. В значительной степени именно благодаря ей изначальное стремление феминизма сделать границу между «публичным» и «частным» более подвижной и проницаемой зачастую заканчивается превращением семьи в придаток рынка, в своеобразный механизм распределения и перераспределения ресурсов⁴⁵. Структурная зависимость от исходного деления социального про-

⁴² В недавнем исследовании Сара Ашвин и Татьяна Лыткина убедительно показали, что нередко маргинализация мужчин в семьях связана с попытками жен сохранять полноту своей власти. См.: Ashwin S., Lytkina T. Men in crisis in Russia: The role of domestic marginalization. Paper presented at *Masculinity in Russia: Interdisciplinary Conference*. 10–14 June 2002, University of Illinois at Champaign—Urbana. Как отмечают исследовательницы, вторжение мужчин на «женскую территорию» приветствуется редко — сходные результаты были обнаружены и при изучении семей в Великобритании, США и Австралии. См.: Lamb, M., Pleck, J. and Levine, J. Effects of increased paternal involvement on mothers and fathers; Russell G. Problems in role-reversed families // *Reassessing Fatherhood*. Ed. by Lewis C., O'Brien M. — London, 1987. См. также: Morris L. *The Workings of the Household: A US-UK Comparison*. — Cambridge, 1990.

⁴³ Принципиально иной подход к проблеме насилия см.: Здравомыслова Е. Сексуальное насилие: реконструкция женского опыта // *В поисках сексуальности*. Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. — СПб., 2002; Ходырева Н. Причины физического насилия: сущность рода или дисбаланс власти? // *О муже(Н)ственности...*

⁴⁴ См., например: Bourdieu P. *Masculine domination*. — Stanford, 2001. — P. 96–98; Мезенцева Е. Введение. Гендер в экономическом анализе // Ред. Мезенцева Е. *Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики*. — М., 2002. — С. 15.

⁴⁵ Иной подход к анализу взаимосвязи экономики и семьи см., например, в работах: Creed G. «Family values» and domestic economy // *Annual Review of Anthropology*. — 2000; Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. Involvement and destitution in capitalist Russia // *Ethnography*. — 2000. — № 1.

странства на «публичное» и «частное», усиленная общей тенденцией поиска приемлемого «баланса семейных и внесемейных ролей» (*Окно...* С. 214), т.е. стремления, сознательно направленного на воспроизводство границ между «частным» и «публичным», приводит исследователей этого направления к логическому выводу о том, что источником формирования «супругоцентристских» семей (с характерной для них автономией партнеров) прежде всего является «вынужденная необходимость адаптации супружеских пар к макроэкономическим изменениям в обществе». В свою очередь, сдвиг от «детоцентристской» семьи в сторону «эголитарного типа семьи» обуславливается не повышением ценности супружеской автономии, а, так сказать, снижением инвестиционной привлекательности ребенка, вступившего в конкуренцию с «ценностями статуса, выбора стиля жизни, профессиональной и личной самореализации» (*Окно...* С. 241—242). Закономерным результатом подобной концептуализации семейных отношений стала попытка рассматривать «семейные взаимодействия» как разновидность «контракта»⁴⁶.

В 1988 году, выступая против аналогичных попыток распространить логику рыночных регуляторов на брак и семейные отношения, американская исследовательница Кэрол Пейтман спра-

⁴⁶ Использование понятия «контракт» для характеристики социальных отношений в советском и постсоветском обществе в отечественной феминистской литературе не отличается особой четкостью и — подобно «гендеру» — призвано выполнять, скорее, маркирующую и метафорическую, чем аналитическую функцию. Иногда понятие «контракт» оказывается синонимичным «принуждению». С. Г. Айвазова в статье *«Контракт работающей матери: советский вариант»*, например, использует этот термин следующим образом: «Представления о том, что женщина может и не трудиться в общественном производстве, вовсе не исчезло из советского общественного сознания. Именно на этом основании, определяя характер гендерных отношений в советский период, сегодняшние социологи единодушно квалифицируют его как “контракт работающей матери”». (См.: *Гендерный калейдоскоп* / Под ред. М. Малышевой. — М., 2002. — С. 291). Зачем для анализа ситуации *всеобщей* и *обязательной* трудовой занятости/повинности в СССР понадобилось квази-юридическое использование «контракта», акцентирующее возможность выбора для вступающих в контрактные отношения людей, и что при таком подходе произошло с «контрактом работающего отца», остается в данном случае непроясненным. Сходную логику в использовании «контракта» демонстрирует и О. Здравомыслова, понимая под ним определенную совокупность *представлений* о семейных взаимодействиях («традиционный» и «эголитарный» контракты). См., например: Здравомыслова О. Российская семья в 90-е годы: жизненные стратегии мужчин и женщин // *Гендерный калейдоскоп...* — С. 482—483).

ведливо указывала, что при всей своей заманчивости, применение практики и идеологии контракта в области брака и семьи чревато неожиданными последствиями. Обращаясь к философским предпосылкам, на которых строится теория контракта, Пейтман отмечала, что на всем протяжении своего действия контракт между двумя — и более! — сторонами предполагает равенство участвующих в нем индивидов с целью использования для взаимной выгоды принадлежащих каждой стороне ресурсов. Взаимное юридическое равенство сторон, иными словами, призвано гарантировать справедливый обмен ресурсами.

В отличие от контракта, брак основан на иной логике. Суть брака как юридического института — в формировании *различных статусов*, в превращении двух людей в союз «мужа» и «жены», т.е. в союз людей с неравными, несовпадающими позициями и ролями. Именно различие, так сказать, «имеющихся ресурсов» определяет здесь соответствующий юридический статус⁴⁷. Соответственно, единственная возможность преодолеть этот логический тупик заключается в отказе от «привязки» брачного статуса к полу. Как писала философ:

Если браку действительно суждено стать подлинно контрактным, то при заключении брачного контракта половое различие не должно играть никакой роли; «муж» и «жена» в итоге должны утратить свою связь с половыми признаками. Разумеется, с точки зрения контракта «мужчины» и «женщины» так же обречены на исчезновение⁴⁸.

Основная дилемма такого подхода, по мнению Пейтман, заключается даже не в том, что в результате вынесения «личностных особенностей» за рамки брачного контракта брак становится легализованным вариантом «всеобщей проституции», становится лицензией, регулирующей доступ к сексуальной собственности, т.е. юридическим соглашением на сексуальное использование друг друга⁴⁹. Суть проблемы в том, что сама идея «индивида без личностных особенностей», способного обменять в процессе социальных отношений определенное *количество* своей собственности на услуги, товары и/или деньги, является квинтэссенцией ло-

⁴⁷ Обсуждение юридического статуса однополых браков, в которых различие традиционных «ресурсов», имеющихся у партнеров, играет, судя по всему, меньшую роль, см.: Butler J. Is kinship always already heterosexual? // *Differences*. — 2002. — Vol.13 (1).

⁴⁸ Pateman C. *The sexual contract*. — Stanford. — 1988. — P. 167.

⁴⁹ Там же. — P.184.

гики патриархата. Собственность (ресурсы) как принципиальный признак *количественного* различия субъектов стал возможен лишь в гомосоциальной среде, т.е. в ситуации, когда иные различительные признаки (пол, этничность, возраст и т.п.) оказываются вынесенными за скобки.

Шейла Бенхабиб, еще одна философ феминизма, в своих работах по этике убедительно продемонстрировала, при каких условиях принцип *общности* интересов, принцип *аналогичности* позиций, акцентирующий не различия партнеров по контракту, а показатели их формального *сходства* и *равенства*, стал восприниматься как синоним принципа *взаимности*, основополагающего для любого контракта. Например, известная этическая максима, согласно которой условием оценки другого должна быть наша готовность поменяться с ним местами, возникла в ситуации, когда другой воспринимался лишь как отражение, аналог, зеркальная копия («человек человеку — волк»; «человек человеку — друг, товарищ и брат»). Место индивидуальной проекции («я на месте другого») в этой максиме заняла абстракция («другой вообще — такой же, как я»). Знание «другой» позиции свелось к ее узнаванию, к вычленению в ней уже знакомых элементов. Или — чуть иначе — к цензурированию, к вытеснению за рамки картины «неизвестных» элементов. В итоге, соответственно, исчезла и возможность морального выбора: *сходство* позиций лишило *обмен* позициями какого бы то ни было смысла⁵⁰.

Экономическая критика семейных отношений в России, с ее настойчивыми попытками подсчитать ресурсы, доступные супругам в процессе их повседневного взаимодействия, как мне кажется, во многом повторяет ситуацию, описанную Пейтман и Бенхабиб. «Ресурсный» вариант количественной логики с неизбежностью вынужден пренебрегать учетом тех специфических черт и интересов, благодаря которым, собственно, и формируется семья как поле принципиально разных, несовпадающих позиций. И вольное или невольное стремление «переступить... через конкретно-исторический субъект», как отмечал в свое время Карл Маннхейм, в данном случае есть лишь отражение выбранной методологии, ко-

⁵⁰ См.: Benhabib S. *Situating the self: Gender, community and postmodernism in contemporary ethics*. Cambridge, 1992. — P. 148—177. Обсуждение работ Ш. Бенхабиб см. в моей статье «Политическая теория феминизма» (*Вопросы философии*. — 2000. — № 5).

торая, — «стремясь сделать мир исчисляемым — изначально хотела узнать о нем лишь то, что в нем поддавалось исчислению»⁵¹.

Установка на многообразие различительных признаков, на равенство и несовпадение интересов, мотиваций, позиций и т.д., задействованных в семье, оказывается, строго говоря, излишней при учете количества доступных ресурсов. Похоже, что эта количественная логика сказала и на восприятии роли *другого* в отечественных феминистских исследованиях. Из механизма дифференциации субъекта, из механизма, формирующего границы субъективности и тем самым дающего этому субъекту возможность преодолеть отсутствие средств, способных описать его место-*(положенность)*⁵², — *другой* нередко превращается в инструмент нормативной критики, становясь своеобразным классифицирующим стандартом. Как и в практике контракта, идея *с-равнения* «индивидов» стала возможной за счет вытеснения на аналитическую периферию принципа взаимообусловленности их *разно-родности*⁵³.

Именно эта генеалогия понятий и категорий, на мой взгляд, зачастую и оказывается вне поля зрения экономического анализа семьи в России. В итоге, критика патриархата ведется в рамках патриархата, с помощью его категорий и логики, а определенное *без-различие* в отношении принципов, конституирующих семейную структуру и родственные отношения в целом, превращает семью в разновидность «неэффективного производства», со всем спектром типичных характеристик в виде «затратной дотационной экономики» и «низкой платежеспособности» ее членов⁵⁴. Справедливо и своевременно акцентировав внимание на роли ресурсов в оформлении семейных отношений, эконом-феминизм так и не

⁵¹ Маннхейм К. *Избранное. Социология культуры*. — М., 1996. — С. 341.

⁵² В одной из своих работ Бахтин хорошо сформулировал эту идею принципиальной зависимости от Другого, идею невозможности локализации и идентификации вне Другого. «Не я смотрю *изнутри* своими глазами на мир, — писал философ в работе «Человек у зеркала», — а я смотрю на себя глазами мира, чужими глазами; я одержим другим. ...У меня нет своей точки зрения на себя извне, у меня нет подхода к своему собственному внутреннему образу. Из моих глаз глядят чужие глаза» (Бахтин М. *Человек у зеркала* // *Собр. соч.* — Т. 5. — М., 1996. — С. 71).

⁵³ Подробнее об этом см., например: Клименкова Т. А. *Насилие как основа культуры патриархатного типа. Гендерный подход к проблеме* // *Гендерный калейдоскоп...* — С. 128—40.

⁵⁴ Критику такого подхода см., например: Kertzer D. *Anthropology and family history* // *Journal of Family History*. — Fall, 1984. — P. 210—211.

смог сделать важный шаг в сторону изучения тех аналитических и политических процессов, при которых противопоставление «семьи» и «общества», «частного» и «публичного» стало возможным.

Подведу итоги. Три подхода к исследованию семьи, рассмотренные выше, во многом являются отражением общих изменений отечественной обществоведческой мысли: *функциональный* анализ семьи как механизма (вос)производства общества сменился *структуралистским* анализом отношений внутри семьи. В свою очередь, *экономическая критика патриархата* может стать началом определенной научной само-рефлексии, способной со временем прояснить характер отношений между используемой методологией и категориальным аппаратом, с одной стороны, и исследуемым объектом или явлением — с другой.

Типичным, на мой взгляд, является и трансформация базовой дихотомии — «частное/целое», на основе которой строились интерпретации семьи в рассмотренных выше подходах: от ячейки в общей *социальной системе* — к семье как *самостоятельной системе* в ряду других систем, а от нее — к семье как способу потенциальной оптимизации издержек «частной» и «публичной» сфер. Или, чуть иначе: от *органа* — к механизмам его внутреннего *устройства*, а от устройства — к условиям, благодаря которым такое *образование* стало возможным. В каждом из этих случаев целостность аналитической картины являлась следствием определенного дискурсивного «прореживания» тем⁵⁵, следствием использования определенных приемов — будь то метафора производства, таксономия вне/семейных практик или критика патриархата. Возможность выстроить на основе этих базовых приемов стройные и лаконичные типологии и установить причинно-следственные связи во многом и объясняет эффективность и популярность этих подходов. Именно убедительность принципов классификации, как напоминает фраза Шкловского в названии этого раздела, и позволяет забывать о том, что жизнь «цветов» и суть научного анализа («ботаники») — это не одно и то же⁵⁶. Именно линейная стройность гносеологических «решеток», точнее, плотность их рядов превращает эти решетки из способа структурирования картины реальности в препятствие, ограничивающее доступ к социальному пространству.

⁵⁵ См.: Фуко М. *Воля к истине*. — М., 1995. — С. 69.

⁵⁶ Шкловский В. *Гамбургский счет*. — СПб., 2000. — С. 105.

«Структура спутанности»

«Ценность системы, — писал в своей работе “*О социологической обусловленности методологии*” Карл Маннхейм, — следует измерять в первую очередь не ее внутренней непротиворечивостью, а шириной ее диапазона. Внутренние противоречия мышление со временем сумеет преодолеть; слишком же узкий угол зрения, избранный системой, делает любую работу мысли бесперспективной»⁵⁷. Во многом именно такая версия «системного» мышления была моим руководящим принципом при составлении этого сборника. Собирая вместе тексты, написанные в русле разных традиций и адресованные разным аудиториям, мне хотелось расширить тот «диапазон» аналитических возможностей и тот «спектр» исследовательских вопросов, которые обычно связывают с изучением семьи, хотелось если не начать «трансформацию ансамбля теоретических моделей и концептуальных инструментов», о необходимости которой в свое время говорил Мишель Фуко⁵⁸, то, по крайней мере, создать определенные условия для возможности такой трансформации.

Отсутствие методологической и тематической целостности, однако, не означает отсутствия структуры. Как и всякий дискурсивный продукт, *Семейные узы...* тоже стали возможны в результате определенного «прореживания дискурсивных субъектов»⁵⁹: сборник задумывался и формировался как коллекция текстов, которая позволила бы видеть в семье не отдельно взятый орган, ячейку, функцию, иерархию или даже сферу, но *социальное пространство*, дающее возможность занимать несовпадающие позиции, выстраивать стратегии отношений, моделировать конфигурации связей. Как и в любом другом пространстве, условность границ, конституирующих семью, при таком подходе становится особенно очевидной: количество и длина линий родства (как и протяженность пространства) отражают лишь качество доступной измерительной техники.

Обращая внимание на те «географические» места и точки, в которых возникает или исчезает семейный опыт — и как определенная практика, и как определенное дискурсивное явление, — «пространственный» подход позволяет проследить траекторию

⁵⁷ Маннхейм К. *Избранное. Социология культуры...* — С. 364.

⁵⁸ Фуко М. *Воля к истине...* — С. 91.

⁵⁹ Там же.

движения от одного родственного «пункта» к другому, позволяет увидеть, как устанавливаются связи и отношения между этими «пунктами». Существенно при таком подходе и то, что «размеры» и «статус» этих геобиографических пунктов, строго говоря, не являются определяющими: опыт и направление движения в пространстве определяются не величиной «точек», а их наличием, т.е. возможностью их локализации.

Важен и еще один момент. Делая акцент на многообразии «местных» вариантов семейной жизни, геобиографическая локализация опыта помогает четче понять, что система (нормативных) координат, облегчая ориентировку на *местности*, тем не менее не в состоянии заменить собой ни местность, ни процесс ориентации. Метафора пространства, иными словами, дает возможность продемонстрировать, что особенности семейного опыта определяются не столько масштабами доступной карты и оптикой аналитического зрения, сколько, так сказать, спецификой рельефа, спецификой того *окружающего* пространства, в котором этот опыт имел место.

Акцент на «политике и эпистемологии местоположенности»⁶⁰ при исследовании семьи имеет и еще одно существенное структурное последствие для понимания роли субъекта в процессе местонахождения. Исходная установка на недостижимость целостности, признание изначальной неполноты и опыта, и его артикуляции, как справедливо заметил Пьер Бурдьё, определяется «частичной неопределенностью и расплывчатостью» окружающего мира⁶¹. Интеллектуальным результатом такой «подвешенности» смысла⁶², разумеется, не является ни тезис о принципиальной непознаваемости социального мира, ни идея о его всеобщей сконструированности⁶³. Не претендуя на системную стройность, «пространственный» подход тем не менее позволяет проследить моменты совпадения места и человека, позволяет локализовать *место-имени-я*. «Чувство позиции» — *место-имение*, — возникающее в процессе такого совмещения индивидуального и пространственного, служит одновременно и начальной точкой анализа пространства семьи, и его

⁶⁰ Haraway D. *Simians, cyborgs, and women: The reinvention of nature*. — Stanford, 1991. — P. 195.

⁶¹ Бурдьё П. *Социология политики...* — С. 64.

⁶² Там же.

⁶³ Интересную дискуссию между «конструктивистами» и «объективистами» в исследовании семьи см.: *Journal of Marriage and Family*. — 2002. — Vol. 64.

центром⁶⁴. А сама семья, как справедливо отмечает американская литературовед Шосана Фелман, превращается в механизм «социо-символического структурного позиционирования [субъекта] в запутанном созвездии альянсов»⁶⁵.

Попытки исследования семьи, предпринятые в этом сборнике, условно можно разделить на две основные темы. Одна из них связана с исследованием эффектов *символической локализации* конкретного человека, которые терминология родства способна произвести в процессе описания ее/его жизненного опыта⁶⁶. Возникая в процессе идентификации с той или иной структурной позицией в семейном или родовом пространстве, субъект становится началом цепи необходимых и существенных социальных различий⁶⁷. Задавая систему отсчета («шкалу»), термины родства координируют характер отношений между доступными позициями («системами»), позволяя членам семьи осознать/выразить и собственную местоположенность и местоположенность других⁶⁸.

Кроме того, родство, с генеалогической и/или биографической традициями его репрезентации, дает субъекту возможность занять устойчивую — *авторскую* — позицию по отношению к собственному опыту⁶⁹. Логика формирования рода или семьи становится фабулой, благодаря которой лейтмотив собственной деятельности приобретает временную и сюжетную последовательность⁷⁰.

⁶⁴ См. подробнее: Ман П. де. *Слепота и прозрение: статьи о риторике современной критики*. — СПб., 2002. — С.112—113.

⁶⁵ Felman S. *Jacques Lacan and the adventure of insight: psychoanalysis in contemporary culture*. — Cambridge, 1987. — P.104.

⁶⁶ О роли локализации см. подробнее: Simpson D. *Situatedness, or Why we keep saying where we're coming from*. — Durham, 2003.

⁶⁷ Об эго-центричности родовой структуры см., например: Johnson C. Perspectives on American kinship in the later 1990s // *Journal of Marriage and the Family*. — 2000. — Vol. 62. — P. 633.

⁶⁸ О социально-дифференцирующей функции родства см., например: Гиренко Н. М. Латеральность и линейность как дифференцирующие признаки социального организма родства // *Алгебра родства*. Вып. 3. — СПб., 1999. См. также его полемическую статью «Госпожа Артемова познала все...», опубликованную там же.

⁶⁹ См.: Бурдьё П. Биографическая иллюзия // *ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация*. — 2002. — № 1.

⁷⁰ См., например: Jefferson R., Reyes A. History telling at the kitchen table: Private Joseph Shields, World War II, and mother-centered memory in the twentieth century // *Journal of Family History*. — 2002. — Vol.47 (4). См. также: Рикер П. Время и рассказ: конфигурация в вымышленном рассказе. — Т. 2. — СПб., 2000. — С. 95—106; Трубина Е. *Рассказанное Я: отпечатки голоса*. — Екатеринбург, 2002.

Приведу один пример того, как символическая локализация субъекта реализуется в текстуальной практике. В рассказе «Гимн семье» Людмила Петрушевская пишет:

Краткий ход событий:

- 1) Одна девушка, секретарша и студентка-вечерница, очень симпатичная, высокая, большеглазая, худенькая, была из хорошей семьи, однако у ее матери была некоторая история.
- 2) Ее мать была, в свою очередь, незаконнорожденной дочерью и плодом целой семьи, а именно:
- 3) жили три сестры, одна была замужем, вторая еще только пятнадцати лет, и муж старшей сестры натворил дел, то есть пятнадцатилетняя забеременела, и этот муж повесился, а пятнадцатилетняя сестра родила, и родила она как раз дочь висельника, которая была ей ненавистна.
- 4) Но эта дочь выросла и благополучно вышла замуж и родила в срок и как принято, и родила опять дочь:
- 5) как раз эту секретаршу и студентку Аллу. Алла выросла и в пятнадцать лет начала гулять с мужчинами, и мать ей этого не прощала, и ругалась и плакала, а затем помаленьку начала сходить с ума. Кроме того, она заболела болезнью с очень дурным прогнозом:
- 6) полная неподвижность. Алла была с ней в очень плохих отношениях, потому что:
- 7) эта Алла была воспитана своей пятнадцатилетней бабушкой (см. п. 3), которая ненавидела свою дочь, будучи старше ее на пятнадцать лет, и в тридцать пять стала уже бабушкой и взяла к себе в провинцию маленькую внучку, а сама до этого жила со стариком, который приходился ей дядей (братом матери)...⁷¹

Этот отрывок в гипертрофированной форме отражает суть семейного пространства как поля дифференцирующих отношений⁷². Каждый «ход событий» вводит новую точку отсчета, описывая новую субъектную позицию (например, «сестра») и связанную с ней субъектную функцию («родила»). Социальное значение каждой позиции, в свою очередь, определяется через ее отношение с другими позициями и позициями других («сестра родила дочь висельника»; «бабушка ненавидела дочь, а сама жила со стариком» и т.д.). Показательна и роль «главного действующего лица» — дав ход событиям («одна девушка, секретарша и студентка-вечерница»), «Алла» тем самым ретроспективно сформировала *вокруг себя* груп-

⁷¹ Петрушевская Л. Гимн семье // Петрушевская Л. *Мост Ватерлоо*. — М., 2001. — С. 139.

⁷² Философский анализ проблемы дифференциации в семье см.: Goux J.-J. *Oedipus, philosopher*. — Stanford, 1993.

пу, оказавшись в итоге в центре заданной ею сети отношений и координат (мать-сестры-муж—отец-дочь-бабушка-внучка-дядя—дед). Вновь, как и в сюжете с Михалковым, о котором шла речь выше, субъективное «Я» — из стабильной и «привилегированной категории»⁷³ — оказалось лишь временным эффектом меняющихся отношений, стало узлом, «связавшим» вместе и эти отношения, и людей, вступающих в них.

Цитата проясняет и еще один механизм. Являясь условием *связности* биографии, семейные уз(л)ы в то же время обнажают и принцип *со-поставления*⁷⁴, принцип одновременного *сближения* и *установления* родственных отношений, благодаря которому *связность* смысла и опыта становится возможной. «Структура спутанности»⁷⁵ этого многообразия различаемых, но не всегда делимых родственных позиций, амбивалентность и переплетение этих позиций и отношений, позволяя «разойтись различным нитям и различным линиям смысла», в то же самое время готова связать другие линии и нити⁷⁶ в ткань индивидуальной жизни.

Если восприятие семьи как многомерного и подвижного жизненного пространства, в котором локализуется опыт субъекта⁷⁷, во многом определило структурную направленность предпринятых в *Семейных узлах*... попыток разобраться с логикой семейных отношений, то второй важной составляющей этого сборника стало стремление понять формы реализации принципа *взаимного обмена* обязанностями и услугами, который, собственно, и составляет на практике суть родственных взаимоотношений⁷⁸. Как отмечал в своей работе Бурдые:

Если все, что касается семьи, не было бы окружено замалчиванием, то не нужно было бы напоминать, что сами отношения между предками и потомками существуют и делятся лишь благодаря непрерывной

⁷³ Ман П. де. *Аллегории чтения: фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста*. — Екатеринбург, 1999. — С. 222.

⁷⁴ Деррида Ж. Различание // Деррида Ж. *Письмо и различие*. — СПб., 2000. — С. 394.

⁷⁵ Там же. — С. 378.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ См.: Винникотт Д. *Игра и реальность*. — М., 2002. — С. 155—198.

⁷⁸ В своей работе об аборигенах Самоа Мид отмечала: «Родственниками считаются те, к кому мы обращаемся со всем множеством своих проблем и перед кем у нас множество обязанностей» (Mead M. *Coming of age in Samoa: A psychological study of primitive youth for Western civilization*. — N.Y., 1928. — P. 45).

работе по их поддержанию и что существует экономика материальных и символических обменов между поколениями⁷⁹.

Практика разнообразных материальных и символических обменов, однако, не должна скрывать из виду ее геобиографического контекста: именно факт родовой местоположенности индивида, внешняя манифестация его «встроенности» в ту или иную систему родства выступает как необходимое и достаточное условие мотивации его поведения («бабушка взяла к себе внучку»). Выступая в форме разнообразных *социальных* связей — обменов, — родственные отношения, таким образом, всякий раз обнажают свою «естественную» основу, свой «органический порядок» («ведь ты же брат мне») ⁸⁰. Именно этой способностью легитимизировать перевод, трансформацию принципов «естественных» — «безусловных» — отношений на язык социальных практик, символов и условий во многом и определяется специфика семьи. Верно и обратное. В условиях отсутствия или недоступности четко выраженных классовых, национальных, религиозных или, допустим, корпоративных форм само-описания, экономика символических и материальных обменов между родственниками может выступать в качестве универсального механизма символического *упорядочивания* ткани социальных отношений в целом. Цитата из расследования Эдуарда Лимонова может служить хорошим примером того, как попытки семейной локализации, как определение конкретных параметров семейной встроенности, т.е. определение соответствующего характера обмена обязанностями и услугами, может использоваться для придания смысла социальным ситуациям, логика которых неочевидна. Один из интервьюеров Лимонова — бывший гендиректор телекомпании — так описывает процесс покупки алюминиевого завода в Саяногорске:

Приехали московские парни, купили завод. Ситуация не так страшна для большинства людей... У Дерипаски имидж очень умного человека. Ходят слухи, что он не то племянник Сосковца, не то незаконнорожденный сын Сосковца. Он плохо не выглядит. Он как нечто неосязаемое. ...Не говорливый человек. Говорит невнятно. Взгляд как рыбы глаза. Точно родовая травма была. Ни с кем не общается в го-

⁷⁹ Бурдые П. *Практический смысл*. — СПб., 2001. — С. 323.

⁸⁰ Любопытный пример анализа использования ритуала обмена для формирования «семьи» верующих см.: Penn M. Performing family: Ritual kissing and the construction of early Christian kinship // *Journal of Early Christian Studies*. — 2002. — Vol. 10 (2).

роде. Редко бывает. Центр «Сибирского алюминия» теперь в Самаре. Чем дальше, тем меньше появляется в Саяногорске. ...Одет? Модные пиджаки, кофты, часто без галстука. Не женат. Якобы встречается с дочерью Березовского Лизой, сейчас раскручивают его с дочерью Юмашева, будто бы. Когда только приехали, он и команда на выходные летали в Москву... Смотрел на город через окно своих мерсов...⁸¹

По меньшей мере три момента интересны в этом отрывке. Прежде всего, смысл происходящего обмена «завода» на деньги становится результатом персонификации *участников* обмена: безличные «московские парни» превращаются в конкретного «Дерипаску». Аналогичным образом невозможность четко зафиксировать структурное и смысловое положение «товара» («центр «Сибирского алюминия» теперь в Самаре») проецируется на объект персонификации. Неуловимость *личностных* характеристик «Дерипаски» («неосязаемый», «неговорливый», «невнятно») отражает неопределенность его *семейного положения*. Структурная «подвешенность» завода и структурная «подвешенность» человека в результате оказываются слитыми в метафоре «родовой травмы» и незавершенной серии идентификационных позиций: «Дерипаска» «будто бы» становится «племянником Сосковца», его «незаконнорожденным сыном», другом «дочери Березовского» и, наконец, другом «дочери Юмашева». Важны в данном случае, конечно, не сами позиции — хотя существенно, что семейная идентификация оказалась единственно доступной формой символизации коммерческих отношений, — важные конкретные формы обмена обязанностями и услугами, которые эти позиции призваны обозначить не называя.

Принципиален и еще один момент. Возможная *встроенность* «Дерипаски» в известные конфигурации семейных интересов обозначается как его *удаленность* от структур символического обмена, уже сложившихся в Саяногорске («ни с кем не общается в городе»). Социальная дистанцированность («смотрел на город через окно»), в свою очередь, реализуется как дистанцированность географическая («на выходные в Москву», «меньше появляется в городе»). Наконец, это *пространственное* социальное противостояние принимает форму *структурного* противопоставления: детализацию семейных отношений («племянник», «сын», «друг семьи») призвано уравновесить монолитное, недифференцированное единство («город», «большинство людей»). Благодаря простран-

⁸¹ Лимонов Э. *Охота на Быкова: расследование Эдуарда Лимонова*. — СПб., 2001. — С. 289—290.

ственному восприятию социального мира совмещение логики родства и логики социальных трансформаций стало возможным: ареной «семейного» — *частного* — бизнеса становится все доступное *публичное* пространство, в котором в качестве навигационной карты служат конфигурации родственных связей и интересов.

Структурирующий успех логики родства, ее способность задать направление отношениям, выходящим за пределы собственно родственных, во многом определяется способностью семьи локализовать в социальном пространстве опыт индивидуальной жизни. Различение родственных позиций позволяет определить собственную местоположенность в поле социальных отношений обмена. В свою очередь, установленное геобиографическое положение — *место-имени-я* — может одновременно стать и началом отсчета очередной системы (родства), и содержательным центром повествования о ней. Вряд ли такой процесс организации жизни способен сколько-нибудь упростить «структуру спутанности» ткани социальных отношений. Его задача состоит в другом — показать из какого материала плетутся сети родства и из каких узлов формируются ячейки общества.

* * *

В работе о Сергее Эйзенштейне Виктор Шкловский замечает, что восприятие и понимание есть процесс расчленения, процесс выделения, процесс обозначения разрывов, их склеек и узлов. «Мы познаем мир, его разделяя, — писал литературовед. — Мы передаем его словами, делим на фразы. ...мы отделяем их, сталкиваем, окрашиваем путем выбора словесного материала. Мы создаем сцены, разрушаем их на главы. И вне монтажного восприятия, вероятно, восприятия нет...»⁸².

Книга «*Семейные узы: Модели для сборки*» является и примером, и результатом подобного монтажного восприятия мира. Сборник представляет собой определенное «сцепление» глав, каждая из которых, в свою очередь, строится на столкновении составляющих эти главы текстов. И хотя методы «разруба на главы» в каждом случае были свои, «срезы» реальности, возникшие в итоге, сохраняют общность очертаний: темы глав не столько определяют со-

⁸² Шкловский В. *Эйзенштейн*. — М., 1973. — С. 99.

держательную направленность статей, сколько задают траекторию их прочтения.

Смысл и значение ценностей, как правило, четче всего осознается в процессе их утраты или исчезновения. Место, освободившееся в ходе такой потери, однако, не только обнажает круг отношений, которые формировались исчезнувшим объектом; отсутствие также может стать и поводом для пересмотра уже сложившихся отношений. В главе «*Фамильные ценности*» представлены статьи, основной темой которых и стала утрата привычного социального, географического, политического *положения*, утрата, резко изменившая ценности семейной организации жизни. Локализация и активная поддержка родственных связей в данном случае превратились в способ ориентировки в изменяющемся контексте.

В статье Яна Еремеева реализация декабристами в сибирской ссылке идей и ценностей «большой семьи», точнее, инсценировка особенностей сюжетных взаимодействий семейных типов-персонажей, становится своеобразной реакцией на смену привычного социального и географического статуса. Сходная утрата привычного контекста является основным мотивом и статьи Ирины Разумовой. Однако в данном случае интерес к формированию *собственной* семейной истории, который исследовательница проследивает на материале интервью с жителями европейского Севера России, их попытки выстраивать *собственную* родословную, связаны с резким исчезновением *общей* — советской — системы привычных смысловых координат.

Статья Александра Прохорова демонстрирует иной — негативный — принцип актуализации семейного жанра. Распад семьи, рассмотренный автором на примере мелодрамы «*Летят журавли*» (реж. М. Калатозов, 1957), экранизаций Шекспира «*Отелло*» (реж. С. Юткевич, 1955), «*Гамлет*» (реж. Г. Козинцев, 1964) и комедий «*Берегись автомобиля*» (Э. Рязанов, 1966), «*Пес Барбос и необыкновенный кросс*» (реж. Л. Гайдай, 1961) и «*Самогонщики*» (реж. Л. Гайдай, 1962), стал формой критики сталинизма, переоценкой тоталитарного мифа о семье и отце народов. Сходное внимание к идеологической роли семейного жанра характерно и для текста Ольги Шабуровой. Репрезентации семьи в массовой культуре (семейные истории Оксаны Пушкиной, семейные ток-шоу на телевидении, семейные газеты и журналы), по мнению исследовательницы, стали способом ухода потребителем этого культурпродукта от реальности. Ухода, вызванного нежеланием потребителей принимать доступную им реальность в расчет. Аналогичная попытка понять харак-

тер взаимоотношений семейного жанра с меняющейся реальностью предпринята и в тексте Ирины Савкиной. На примере романов Л. Улицкой и В. Аксенова автор статьи показывает как логика строительства (и разрушения) дома и рода, проводящая четкую границу между «своими» и «чужими», позволяет придать смысл хаосу социальных перемен.

Способность определить с помощью сети родственных отношений местоположенность индивида, разумеется, не исчерпывает структурные возможности самой сети. Место-*нахождение*, т.е. *активный выбор* позиции и определяемых ею отношений, является еще одним важным последствием включенности человека в социальное пространство. Выбор форм родства, т.е. выбор круга лиц, в рамках которого обмен услугами и обязанностями становится взаимным и безусловным, рассматривается в разделе «*Родство по выбору*».

Особенностью супружеского выбора, напоминают в своей статье Ольга Казьмина и Наталья Пушкарева, является, как правило, необходимость его юридического признания, трансформирующего союз двух людей в брак. Предметом исторического обзора исследовательниц и стали особенности юридической фиксации супружеского выбора в России на протяжении двадцатого века. Вернее — особенности участия государства в процессе легитимации индивидуального выбора.

Дэвид Рансель на материале интервью с русскими и татарскими женщинами трех поколений прослеживает *практики* образования семьи в сельской России прошлого столетия. Анализ способов ухаживания и посиделок, вариаций сватовства и свадебных ритуалов наглядно демонстрирует, что супружеский выбор становится результатом комплекса мероприятий, т.е. целенаправленно организованного пространства и людей.

Вариативность самого выбора родства стала основной темой трех других статей этого раздела. В центре литературного обзора Марии Литовской и Елены Созиной ситуации, в которых *выбор* становится невозможным, т.е. ситуации, в которых само понятие возможной родственной альтернативы/противопоставления утрачивает всякий смысл. В итоге супружеская пара превращается в любовный треугольник, в своеобразную устойчивую триаду. Или, как замечают авторы, — в единую троицу.

Социальные последствия выбора родства, не подкрепленного официальной традицией, стали ключевыми для статей Надежды Нартовой и Браяна Бэра. Опираясь на интервью с лесбийскими

парами Петербурга, имеющими продолжительный опыт семейных отношений, Н. Нартова пытается уйти от традиционного стремления использовать сексуальность в качестве основного интерпретирующего принципа подобной формы семейной организации. Отсутствие соответствующих нормативных моделей и социально-юридической легитимности приводит, по мнению социолога, к тому, что определяющим для лесбийских семей становится способность выстраивать «чистые отношения», в основе которых лежат равноправие, открытость, рефлексия и близость. Используя материалы отечественной научно-популярной и художественной литературы, Б. Бэр, в свою очередь, анализирует еще один пример отсутствия позитивной репрезентации гомосексуальных союзов. Трагичные фигуры «голубого изгиба» и «преступника-педофила», став риторическими клише, сделали, по мнению автора, невозможной взвешенный анализ и спокойное обсуждение темы гомосексуального родительства.

В своей книге «*Практика повседневной жизни*» Мишель де Серто отмечал, что цель анализа многообразия «тактик», артикулированных в деталях быта, состоит прежде всего в том, чтобы вывести из тени формы разрозненного, сиюминутного творчества, с помощью которого группы или индивиды противостоят давлению социальной дисциплины и ограничениям той социальной сети, в которой они оказались⁸³. Взаимодействию и противостоянию социального порядка и бытового «творчества» в рамках семьи посвящены статьи раздела «*Бытовые тактики*».

Противодействие российских солдаток дискриминационной политике государства анализирует в своей статье Павел Щербинин. Используя обширный архивный материал, историк убедительно показывает, как социальная «неприкаянность» солдатки, ее маргинальный семейный статус стали причиной поиска новых форм устройства семейной жизни и защиты собственных прав. В еще одной исторической работе Сюзан Рид обращает внимание на иной аспект повседневной жизни. Используя в качестве своего аналитического материала советское изобразительное искусство второй половины 1950-х годов, С. Рид демонстрирует, как реформа «эстетики повседневной жизни» хрущевской поры, как попытка привести «в порядок» семейный уклад стали способом активного внедрения государства в частную жизнь людей. К сходной теме радикальной «модернизации быта» обращается в своей ста-

⁸³ Certeau M. de. *The practice of everyday life*. — Berkeley, 1988. — P. XIV—XV.

тье и Нэнси Рис. В данном случае речь идет о формировании новых бытовых привычек постсоветской элиты. На материалах журнала «Профиль», Н. Рис показывает, как этот вид постсоветской семьи становится своеобразным пространством, *стартовой площадкой*, в пределах которой испытывается и трансформируется традиционный облик власти. Тему семьи как испытания доставшегося образа жизни продолжают в своей статье социологи Елена Ярская-Смирнова и Ирина Дворянчикова. Построенная на основе бесед с инвалидами, статья исследует способы само-позиционирования и само-нахождения этих людей в пространстве семейных отношений. Выбор в пользу семьи иногда определяется вопросами необходимости, иногда — вины или ответственности, иногда — чувством любви и уважения. Стандартным остается одно — негативное предубеждение окружающих к жизни инвалидов. Как показывает статья Ильи Утехина, нередко освоение подобных моделей конфликтного взаимодействия происходит именно в семье. Опираясь на теории коммуникативного взаимодействия, автор анализирует семейные версии коммуникативных патологий, формы их проявления и способы защиты.

Повседневные тактики неотделимы от стратегий. Однако, как подчеркивает де Серто, в отличие от тактик, возникающих «здесь и сейчас», «стратегия занимает место, которое может быть описано как место *собственное (proper)*, т.е. место, способное служить основой для формирования отношений со всем, что находится вовне»⁸⁴. Политика и практика половых отношений, формирующихся с точки зрения определенного *места*, исследуется в главе «*Половые стратегии*».

Трансформацию социальной роли и архитектоники супружеской спальни — места, в котором стратегии сексуальности нередко достигают своей логической кульминации, — анализирует в своей статье Дмитрий Михель. С помощью исторического материала и свидетельств современности автор увязывает возникновение спальни как приватизированного пространства с зарождением среднего класса — будь то буржуазия Европы или советский средний класс. Собственно обсуждению сексуальных отношений советского среднего класса посвящена статья Анны Темкиной. Половая жизнь «строителей коммунизма» в данном случае реконструируется с двух позиций: обзор нормативных моделей половых отношений, сформулированных в советской научно-популярной

⁸⁴ Там же. — Р. XIX.

литературе по вопросам «брака и семьи», дополняется воспоминаниями о «рутине» семейного секса, собранными в ходе интервью с мужчинами и женщинами в середине 1990-х годов.

Сексуальность как материальную основу формирования социальных отношений исследует в своей статье Анна Роткирх. Подробно анализируя две мужские автобиографии, автор показывает, как сексуальность превращается в механизм социальной мобильности («побег в средний класс») или становится ключевым элементом профессиональной деятельности. Акцент на *основообразующем* характере сексуальности делает в своей работе и Дмитрий Воронцов. Цитируя материалы опросов и интервью, проведенные в сообществе геев в Ростове-на-Дону, психолог приходит к выводу о том, что, в отличие от понятия «партнерство», само понятие «семья», с типичным для него гетеросексуальным распределением семейных «ролей», не способно удовлетворить интересы «сексуального меньшинства» и, как правило, вступает в противоречие с сексуальными практиками и ценностями реально существующих гомосексуальных союзов. Статья Валентины Котогиной об опыте семейной жизни транссексуалов подчеркивает еще один аспект стратегической роли сексуальности. Хотя половая идентичность и является продуктом *индивидуальной* идентификации, широта самого идентификационного спектра зависит от степени чувствительности социального сообщества. Сеть существующих механизмов общественного непризнания (исключение, табуирование, медиализация, регистрация и т.п.) транссексуальной идентичности в итоге способна заблокировать возможность легитимизации реально сложившихся практик семейной жизни.

В устойчивом сочетании «семья и школа» союз «и» мог бы легко заменить союз «как». Педагогическая функция семьи, — впрочем, как и семейная риторика, окружающая школу, — давно воспринимается в качестве основного принципа, оправдывающего создание и существование самой семьи. Но очередная демонстрация универсальности дето-центристского принципа организации семей целью раздела «*Педагогической прозы*» не является. Глава посвящена ситуациям, в которых педагогические возможности «семьи-как-школы» существенно модифицируются условиями ее существования. В работе Линн Виссон таким условием становится воспитание ребенка в «смешанных» браках. Используя материалы интервью с мужьями и женами из русско-американских семей, автор обозначает сходства и расхождения двух культур в практиках семейного воспитания детей. Тему сравнительного анализа ран-

ней социализации в русских и американских семьях продолжает статья Элизабеты Мур и Александра Эткинда. Различные институты суррогатного материнства (няни, кормилицы, воспитательницы, наставники, дядьки и т.п.), сформировавшиеся в крепостной России и на рабовладельческом юге Америки, значительно повлияли на педагогический ландшафт двух культур. Став частью национальной памяти, эти фигуры, как отмечают авторы статьи, продолжают оставаться влиятельными историческими символами и сегодня.

«Как наличие нетрадиционного семейного опыта или даже отсутствие такого опыта может повлиять на формирование семейных представлений у ребенка?» — таков основной вопрос, на который пытаются ответить остальные статьи данного раздела. Привлекая итоги социологических опросов, Лариса Луныкова в своей работе анализирует изменение социальной политики государства в отношении *материнских* семей в России. Система финансовых льгот и выплат одиноким матерям, существовавшая в 1980-х годах, позволяла им самостоятельно справляться с материнскими и профессиональными нагрузками. Распад системы поддержек приводит к тому, что из формы относительно эффективного родительства, материнские семьи нередко превращаются в кризисную среду. С иной точки зрения анализируется отсутствие в семье отца в тексте Татьяны Снегиревой и Алексея Подчиненова: «неполная» семья воспринимается здесь сквозь призму *безотцовщины*. Строя свое исследование на произведениях советской литературы, авторы прослеживают эволюцию отношений «отцов и детей» в советском обществе. Еще один вариант темы отсутствия представлен в работе Дмитрия Бычкова. На материалах семейных журналов («*Семья и школа*» и «*Мир школы*») и интервью с сиротами исследователь пытается установить специфику идентификации молодых людей, лишенных большую часть своей жизни семейного опыта. Наконец, статья Ребекки Кей воссоздает картину противоречивых взглядов по поводу «предназначения» мужчины и женщины, характерных для постсоветского общества. Обзор публицистических материалов дополняется анализом интервью с участницами неформальных организаций, которые провела автор в середине 1990-х годов в городах европейской части России.

Люис Альтюссер в своей классической статье, посвященной идеологии и государственным идеологическим аппаратам, включил в состав последних наряду с церковью, образованием, правом, политической системой, прессой и т.п. и семью. Опережая обви-

нения в том, что семья традиционно относится к частной сфере, Альтюссер справедливо замечает, что абсолютно неважно, где «находятся» те или иные государственные идеологические аппараты, важно какую функцию они выполняют⁸⁵. Идеологическая функция семьи, встроенность семьи в поле политических отношений и стали предметом обсуждения в главе «*Политика частного*».

Особенности конструирования облика американской семьи на страницах «*Крокодила*», «*Работницы*», «*Семьи и школы*» обсуждаются в статье Олега Рябова. Семейные сцены из «чужой жизни» удачно сочетали в себе инаковость политического строя с инаковостью родственных отношений. Сформированные советской пропагандой времен холодной войны, карикатурные персонажи «американской семьи» стали доходчивым идеологическим средством, олицетворявшим идею принципиальной противоположности двух миров и двух типов семейной морали.

Другой пример тесного и противоречивого сращивания «*семейного*» и «*политического*» исследует в своей работе Наталия Данилова. Основой для анализа стала история и деятельность организаций «солдатских матерей» Петербурга и Ленинградской области. Возникнув на исходе войны в Афганистане, организации матерей погибших и несущих службу солдат стали важным политическим институтом постсоветской России. Однако, как отмечает автор статьи, попытки строить политическое движение на «*семейной*» идентичности неизбежно приводят к столкновению требований родства с требованиями права.

Политике литературного наследия и литературной генеалогии посвящен текст Катерины Непомнящей. Основой работы стали литературные и биографические тексты Татьяны Толстой, а также та полемика, которая обычно сопровождает публикации писательницы. В ходе обсуждения вопросов литературной *генеалогии* и литературного *наследия* автор показывает, как Толстая отражает в своих текстах формирование институтов ложной родословной, с помощью которой маскировались разрывы традиции и культурная амнезия советского периода.

Тему исторической прерывности продолжает текст Сюзан Гал и Гейл Клигман, посвященный роли семьи в процессе социальных трансформаций в восточной Европе. Как изменение формы и содержания государства может повлиять на изменение configura-

⁸⁵ Althusser L. Ideology and ideological state apparatuses (Notes towards an investigation) // *Mapping ideology*. Ed. by S. Zizek. — London, 1994. — P. 110.

ции семейных отношений? С помощью сравнительного изучения социальных государств Запада и Востока, авторы статьи отвечают на этот вопрос.

Демография как политическая идеология — так можно было бы определить основное содержание статьи Татьяны Журженко. Дебаты по поводу семьи в академической и политической прессе Украины, по мнению автора, являются показательным примером того, как в процессе осуществления национальной независимости семья из социалистической «ячейки общества» превращается в символ национального возрождения и преемственности поколений.

Превращение понятия «семья» в базовую метафору политической и экономической власти исследует в своем тексте и Галина Орлова. В данном случае, однако, речь идет о превращениях вполне конкретной «ячейки общества» — «семьи Ельцина». На основе материалов печатных и электронных средств массовой информации автор статьи прослеживает метаморфозы семейственности в политическом дискурсе России последнего десятилетия. То, что Россия в данном случае вряд ли является исключением, подтверждает статья Кирило Лукеренко. Поле властных отношений на Украине, как свидетельствует автор, организуется в процессе пересечения интересов и институтов четырех семей: про-президентского политика Виктора Медведчука, бывшего вице-премьера Юлии Тимошенко, либерала Виктора Ющенко и президента Украины Леонида Кучмы.

Глава «*Жизнь в пути*», завершающая этот сборник, во многом является своеобразным примером практической реализации пространственного восприятия семьи. География, точнее перемещение в пространстве, — в данном случае стала и основной причиной резкого изменения форм семейной организации, и основным условием возможности таких изменений.

Опираясь на архивные материалы и опубликованные воспоминания декабристов, Евгения и Наталья Матхановы раскрывают в своей статье непростые конфигурации отношений, сложившиеся у ссыльных с местными женщинами. «Безнадежность возврата» во многом привела к тому, что — наряду с вполне традиционными браками с сибирячками — декабристы практиковали и разнообразные формы «гражданских браков»: от случайных и временных связей до устойчивых «вторых» семей.

Роль брака, т.е. юридически закрепленного статуса, в процессе формирования идентичности мигранта исследуется в статье Катерины Клингсайз. В процессе дискурсивного анализа трех

интервью с русскими женщинами, вышедшими замуж за австрийцев, автор приходит к выводу о том, что дискурсивная природа идентичности «мигранта» может иметь вполне материальные последствия — от разнообразных физических препятствий до ограниченного числа моделей «само-восприятия» и «узнаваемости», соответственно сужающих спектр возможных действий.

Понять логику конкретных материальных проявлений такого «суженного» спектра действий пытается в своем тексте Елена Гапова. Используя материалы включенного наблюдения, а также тринадцать интервью со специалистами по новым технологиям и членами их семей, автор анализирует поведение и самовосприятие «жен программистов», уехавших со своими мужьями в Америку. Синдром «интенсивного материнства» в данных условиях становится для «жен программистов» единственным доступным способом повысить свой социальный статус и свою значимость. Семья как основной механизм адаптации в условиях миграции исследуется и в статье Сергея Рязанцева, завершающей сборник. Как свидетельствуют материалы опроса, проведенного автором, в процессе вынужденной (стрессовой) миграции в Ставропольский край из районов военных действий и межэтнических конфликтов именно семья становилась основой материальной и моральной поддержки.

Составляя и редактируя этот сборник, я прекрасно отдавал себе отчет в том, что ни монтаж глав, ни сцепление текстов не смогут преодолеть «структуру спутанности» семейных отношений. Анализ семейных уз и моделей, доступных для их сборки, предпринятый в этой книге, — это попытка начать обсуждение «семейной» тематики вне — или поверх — дисциплинарных барьеров. Закономерным результатом такого подхода стало разногласие авторских позиций, их методологическая и терминологическая противоречивость, альтернативой которым, пожалуй, может быть лишь удручающая монотонность «правильных» ответов и безопасная безликость «хорового» исполнения «старых песен о главном».

* * *

Сборник «*Семейные узы: Модели для сборки*» вряд ли появился бы в свет без помощи близких, друзей и коллег. Я благодарен Ким Лейн Шеппели за ее постоянную поддержку и участие, без которых эта книга так и осталась бы нерезализованным проектом. Мне также хотелось бы выразить признательность Татьяне Барчуновой,

СЕРГЕЙ УШАКИН

Геннадию Батыгину, Дмитрию Бычкову, Елене Гаповой, Елене Гошило, Сергею Канну, Нине Клещевой, Александру Клецину, Игорю Кону, Сюзан Ларсен, Татьяне Медведевой, Марианне Муравьевой, Дмитрию Мусолину, Бенджамену Натансу, Галине Орловой, Павлу Романову, Ирине Савкиной и Игорю Силантьеву за их помощь и советы. Возможность участвовать в конференциях «*Семья как поле битвы: социальные симптомы и экзистенциальные тупики*» (Уральский государственный университет, 2002) и «*Отец-Рейн и Матушка-Волга: местные, национальные и половые аспекты идентичности в России и Германии*» (Славянский семинар, Фрайбургский университет, 2002) помогла мне установить творческие контакты, некоторые из которых материализовались в этом сборнике в виде статей. Я благодарен организаторам этих конференций — Марии Литовской, Елене Трубиной, Ольге Шабуровой и Елене Трофимовой и Элизабет Шоре — за предоставленный шанс.

Финансовая и организационная поддержка «*Civic Education Project/SCOUT*» и редакции «*Нового литературного обозрения*» значительно облегчили подготовку и издание этого сборника; без этой поддержки «*Семейные узы...*» были бы невозможны.

Июнь 2003 г.
Москва.

I

ФАМИЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ